

ХРЕСТОМАТИЯ ПО УСТНОЙ ИСТОРИИ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МУРМАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ХРЕСТОМАТИЯ ПО УСТНОЙ ИСТОРИИ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

Учебно-методическое пособие

Автор-составитель: П.В. Федоров

МУРМАНСК
2012

УДК 94(470.21)(075.8)
ББК 63.3(2Рос-4Мур)я73
Х91

Печатается по решению Совета по научно-исследовательской работе и редакционно-издательской деятельности Мурманского государственного гуманитарного университета

Рекомендовано учебно-методическим советом МГГУ к использованию в учебном процессе (протокол № 1 от 02.10.2012 г.)

Подготовлено и издано в рамках проекта № 12-11-51600е «Культурная память старожильческого населения северных районов Кольского полуострова в условиях социальных трансформаций», поддержанного Российского гуманитарным научным фондом и Правительством Мурманской области

Данное издание носит учебный характер, и все фрагменты ранее обнародованных произведений используются в нем в соответствии со статьей 1274 (п. 1.2) Гражданского кодекса РФ в качестве иллюстрации в объеме, оправданном учебной целью, с указанием имени автора (собирателя или публикатора) и источника заимствования. Ранее неопубликованные материалы публикуются на основе разрешений, полученных от их авторов (владельцев).

Автор-составитель: *П.В. Федоров*, д-р ист. наук, профессор кафедры истории, проректор по научно-исследовательской работе МГГУ

Рецензенты: *И.А. Разумова*, д-р ист. наук, гл. научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН;
Е.Л. Крикун, канд. пед. наук, доцент кафедры истории МГГУ

Х91 Хрестоматия по устной истории Кольского Севера: учебно-методическое пособие / авт.-сост. П.В. Федоров. – Мурманск: МГГУ, 2012. – 83 с.

Данная хрестоматия является первым учебно-методическим пособием по устной истории, которое построено на материале Кольского Севера. Учебное издание выполняет несколько взаимосвязанных задач. Во-первых, оно дает базовые знания об устной истории как источнике; во-вторых, представляет ценные текстовые источники, в том числе архивные (впервые публикуемые); в-третьих, формирует у обучающихся первичные навыки анализа устно-исторических текстов.

Пособие предназначено для подготовки студентов, обучающихся по направлениям подготовки бакалавриата 030600.62 «История», 050100.62 «Педагогическое образование» (профиль – историческое образование). Также оно может использоваться магистрантами по соответствующим направлениям подготовки, аспирантами по специальности 07.00.02 «Отечественная история».

ВВЕДЕНИЕ

Сколь бы значимыми и всеобъемлющими не признавались письменные источники для изучения исторического прошлого, современную историческую науку трудно представить без источников устных. Казалось бы, информация, передающаяся в устной форме, столь несовершенна для исторического анализа: она требует специальной фиксации, зависит от множества случайных факторов (свойств и качеств памяти, характера и темперамента информанта и т.д.), со временем теряет точность, а то и вообще теряется и погибает вместе с ее носителем. Между тем все эти недостатки устных источников компенсируются уникальностью и богатством того содержания, который они в себе заключают. Если исследователь одержим целью поставить устное слово на пользу своей научной работы, обладает терпением, умеет и любит общаться с людьми, овладевает инструментами интерпретации устной информации, тогда, как правило, устная история становится неременным видом научно-профессиональной деятельности.

Устная история оформилась в самостоятельное направление исторической науки сравнительно недавно, в середине XX столетия. Обычно с ней связывается *практика научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами*. Но в широком смысле устная история выходит за рамки изучения исторических событий посредством проведения интервью с участниками или очевидцами: ее смысловым «горизонтом» становится *память индивида и общества, отражающая культурные ландшафты пространства и времени*.

Устная история (oral history) получила широкое распространение в современной исторической науке. Во многих странах мира созданы научно-исследовательские центры устной истории с архивами аудиоматериалов. Все большее признание данная исследовательская практика получает и в России. Примером такой работы является создание коллекции интервью с ветеранами Великой Отечественной войны в рамках интернет-проекта «Я помню»¹.

Студент, готовящийся стать профессиональным историком или педагогом по профилю «Историческое образование», должен понять роль и значение устных источников в познании прошлого, научиться собирать и использовать содержащуюся в них информацию в своей деятельности.

¹ <http://iremember.ru/>

На сегодняшний день проблемам устно-исторических исследований посвящено значительное количество публикаций, включая фундаментальные монографии и учебные пособия.

Настоящая хрестоматия призвана познакомить со спецификой устных исторических текстов, привязанных к Кольскому Северу (территория современной Мурманской области). Она состоит из двух разделов, один из которых посвящен проблеме контактирования устной истории и фольклора, а другой – собственно устной истории. Источники сгруппированы в подразделах – в зависимости от их тематической принадлежности – и прокомментированы в подстрочных примечаниях составителя. Кроме того, каждый подраздел сопровождается пояснением, а также вопросами и заданиями.

* * *

За профессиональную поддержку при работе над хрестоматией автор-составитель признателен своим рецензентам доктору исторических наук главному научному сотруднику Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН *Ирине Алексеевне Разумовой* и кандидату педагогических наук, доценту кафедры истории *Екатерине Леонидовне Крикун*. Особая благодарность Мурманскому областному краеведческому музею в лице его директора кандидата педагогических наук, доцента *Василия Павловича Сапрыкина* и научного сотрудника *Алексея Станиславовича Гулянина* за предоставленную возможность публикации источников из музейных фондов. Автор-составитель также считает своим долгом поблагодарить заведующую отделом краеведения МГОУНБ *Елену Рудольфовну Михайлову* и библиографа отдела электронной библиотеки МГОУНБ *Алексея Анатольевича Малашенкова*, фотожурналиста и краеведа *Александра Михайловича Степаненко* за неоценимую помощь, которую они оказали в процессе работы над хрестоматией.

П.В. Федоров

Раздел 1.

УСТНАЯ ИСТОРИЯ И ФОЛЬКЛОР: ПРЕДАНИЯ О КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ

Термином «устная история», как правило, обозначается пласт исторической памяти самый насыщенный, но сравнительно неглубокий, отражаемый современниками или очевидцами событий. Правда, на практике, помимо сообщений о фактах своей жизни, информантами могут озвучиваться и рассказы о событиях, произошедших задолго до их рождения, передающихся из поколения в поколение, или *предания*. Хотя их изучением занимается в первую очередь *фольклористика*, и для устной истории они представляют большой интерес.

Почему из огромного моря информации лишь крупницы задерживаются в человеческой памяти на столетия, переходя из уст в уста в форме преданий? В основе любого предания лежит вполне конкретный сюжет, представляющий собой форму осмысления исторической реальности. Устный рассказ о достоверном событии, со временем помещаясь в художественную оболочку, становится преданием. В центре сюжета нередко лежит яркое, судьбоносное событие, переживание которого априорно предполагает «ответ» на те ценностно-мировоззренческие «вызовы», которые черпались из реальной жизни.

Смысловое пространство предания, впрочем, довольно сильно зависит и от специфики жанра, поскольку важнейшим мерилем народного текста становилась его простота, понятность, наглядность. Отсюда, предание может обрастать недостоверными фактами, легендой. В нем нередко отсутствуют реальные имена исторических персонажей и другие столь необходимые историку подробности. Предание всегда безлично, а потому конечно как текст.

Вместе с тем благодаря использованию специальных интерпретационных ключей рациональные зерна «устной истории» могут быть извлечены из литературной «почвы» предания.

Сбор исторических преданий о Кольском Севере начался еще в XIX веке и поначалу проводился эпизодически: писателями-путешественниками С.В. Максимовым и В.И. Немировичем-Данченко, священником К.П. Щеколдиным, этнографами Н.Н. и В.Н. Харузиными и др. Только в советское время этой деятельностью стали систематически заниматься профессиональные собиратели фольклора Д.М. Балашов, И.С. Меркурьев, Е.Я. Пация и др.

1. ПРЕДАНИЯ ОБ ОСНОВАНИИ ПОСЕЛЕНИЙ

Предания об основании поселений являются формой обыденного осмысления локальной истории. На эти представления могли влиять народные толкования топонима поселения (как в случае с Кандалакшей), а также уникальное понимание местного исторического процесса. Тексты преданий сильно расходятся с документальными свидетельствами по поводу исторического возраста поселений, а также причин их возникновения, и иллюстрируют самобытную мемориальную культуру местных жителей.

№ 1. Предание об основании Колы, рассказанное жителем Колы Г.Р. Миккуевым (запись А.П. Попова¹)

1938²

Первым поселением Колы были лопари. Но когда приехали карелы, то вытеснили лопарей. Русские стали селиться со времен Гришки Отрепьева. В «смутное время» население бежало от воинской повинности, и некоторые заходили в Колу. Кола существует лет 800. Сюда многие ссылали ссыльных.

*Мурманской областной краеведческий музей.
НВ 5187/1-15. Л.53об.*

№ 2. Предание об основании Кандалакши (запись А.А. Минкина)

[1976]

Петр I ссылал на Мурман пленных пугачевцев³. Гнали их по этапу закованными в кандалы. И вот, когда каторжников приводили на место, где стоит теперь Кандалакша, объявляли привал и снимали кандалы: отсюда и без кандалов не убежишь!

Кандальники облегченно вздыхали: «Кандалам, ша!» Позднее тут многие осели и образовали селение, называться которое стало Кандалакша.

*Минкин А.А. Топонимы Мурмана. – Мурманск, 1976.
С. 34-35.*

¹ Указывается кем была проведена запись и/или публикация устного текста.

² Указывается год, когда устный текст был записан или опубликован. Год публикации устного текста заключается в квадратные скобки.

³ Участники Пугачевского восстания, или пугачевцы, были сосланы в Колу при Екатерине II. *Примеч. составителя.*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Сравните предания об основании Колы и Кандалакши и документальные сведения, отраженные в книгах И.Ф. Ушакова и С.Н. Дашинского «Кола» и Е.Ф. Разина «Кандалакша». О чем говорит появление вышеприведенных преданий?
2. Кого легенды относили к числу первопоселенцев? Как вы думаете, почему?

2. ПРЕДАНИЯ О БОРЬБЕ С РАЗБОЙНИКАМИ И ВРАГАМИ

Самая многочисленная группа преданий посвящена борьбе с разбойниками и врагами. Крайнее положение Кольского Севера с давних пор прививало местному населению готовность отразить нападение неприятеля, защитить родную землю.

Из достоверных письменных исторических источников известно о периодических столкновениях жителей Кольского Севера со скандинавами («мурманами») в XIII-XV вв., о нападениях шведов на Колу, Печенгский монастырь, Кандалакшу и другие поселения в 1589-1591 и 1611 гг., датских нападениях 1582 и 1621-1623 гг., английских нападениях 1809 и 1854 гг.

В текстах преданий не всегда упоминается этническая принадлежность противника, практически не указывались даты нападения. Но несмотря на это, предания являются свидетельством патриотизма местного населения, иллюстрируют сопричастность Кольского Севера историческим судьбам Отечества.

№ 3. Предание об Анике (публикация В.П. Верещагина)

[1849]

В Кольской губы, верстах эдак в пятидесяти от Колы, есть махонький островок Аникиев¹. Меж им да матерой салма, не порато велика. Тутотки теперь становище есть для людей, по прозванью Корабельна губа.

Давным-давно жил да был богатырь Аника. У эвтого Аники было судёно, а на судне-то Аника разъезжал по морю-окияну. Кто его знает – чего ради ездил он тамотки: поди уж не за добрым делом. По зимам Аника куды-то отлучался, а по летам приезжал на эвтот остров... А бывает, он тутотка и жил. Оно бы и нешто, кабы Аника не обижал добрых людей – а то нет: как падет весна и промыслы начнутся, так Аника уж тут как тут на острови ходит по ём да промышленников дожидат. Вишь, у его заведено

¹ По данным Географического словаря Кольского полуострова (Л., 1939, т. 1, с. 15), название острова «возникло в XVI в., вероятно, по имени Аникия Строганова, владевшего промыслами в Коле». *Примеч. составителя.*

было, чтобы всяко промышленно судно, коли пойдет с моря с грузом до-мой али куды в становище, то приворачивало бы к острову и отдавало бы Анике-богатырю часть промысла, – так, «здорово живи», ни за што, ни про што. Позорились православны, да чего тут со злодесем станешь делать-то? Не отдай-ка добром, дак силой возьмет, а коли что – дак и живого не оставит. Долго-таки велся эвотот обычай и не было на Анику ни суда, ни рас-правы.

Раз как-то, в обычну пору, промышленники поезжали в тройники на промысел. В суетах да хлопотах они и не заметили, как подошел к ним молодой паренек. Ну, подошел да поклонился почтенно-таки кормщику и товарищам его, поклонился да затем и говорит:

– Возьмите, товарищи, меня с собой на промысел, я, – говорит, – хошь наживочиком у вас буду.

Кормщик поглядел на парня, видит – парень незнакомый, затем и говорит, что у их на тройники есть и наживочик, и весельщик, и удильщик есть, что лишнего человека не пошто брать, людно, вишь, будё. Но парень не отставал и конался кормщику.

– Ну, уж коли тебе охвота, – говорит кормщик. – садись давай. да, благословись, и поедем.

Вот и уехал тройник. Бог дал такой промысел, какого давно уж не бывало. Нагрузили полнехонький тройник рыбой и поехали взад. Едут, – а мало и Аникиев остров. По обычаю нужно было пристать к нему для выдела доли богатырю Анике. Пристав к острову, промышленники выгрузили рыбу на берег и стали делать ее. то есть отрезывать головы, потрошить и прочее. Это занятие поручили они взятому парню. Дело кипело у него в руках на удивление всем товарищам. Обрядившись с рыбой, парень снял свои вачеги и попросил весельщика выполоскать их в воде. Тот вскоре возвратился и отдал вачеги; но парень, взглянув на них, сказал весельщику, что тот порядком не выжал из них воды, и тотчас, сказав это, он скрутил в руках вачеги так, что они лопнули. Товарищи его ахнули от изумления при виде такой ужасной силы и подумали про себя, что это уже недарово, что наживочик-то ихний не простой человек есть.

В эту минуту явился на берег богатырь Аника.

– Эй вы, – заорал он, – подавайте-ка сюда. что там у вас!..

– Эко парень, вишь, чего захотел! – вскричал молодой товарищ промышленников, обращаясь к Анике. – Не на таких напал; уходи-ка добром, а не то...

– А что? ха-ха-ха! – загоготал Аника. – Шутник ты экой. Однако, я вижу, ты не знаешь меня. Уходи-ка сам, а не то я так тебя торну, что и костей не соберешь.

Но молодой человек, как будто не слыша угроз Аники, подходил к нему.

– Эге, брат, – закричал богатырь, – да ты, я вижу, свережий: уж не

бороться ли задумал со мной.

В эту минуту молодой парень напал на богатыря. Схватившись рука с рукой, сплетясь ногами, два противника начали странную борьбу, катясь как колесо, с ног вставая на голову и опять на ноги. Они скрылись из глаз изумленных промышленников, ожидавших развязки. Вскоре пришел к ним загадочный молодой человек: на лице его выражалось спокойствие и важность.

– Благодарите бога! – сказал он, обратись к промышленникам. – Теперь злодей ваш уже не существует; отныне никто не посмеет присвоить себе промыслов ваших. Бог с вами! Простите.

Сказавши это, молодой человек исчез. На острове показывают теперь кучу камней – это могила страшного богатыря.

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. С.142-143.

№ 4. Предание об Анике (публикация С.В. Максимова)

[1859]

Разбойник, вишь, был: по пятницам молоко хлебал, сырое мясо ел в Велик день. И жил он около промыслов на Мурмане и позорил всякого, так что кто что выловил – и неси к нему его часть. Без того проходу не даст: либо все отнимет, а не то и шею накостыляет, так что и на тот свет отправит. Не было тому Анике ни суда, ни расправы. И позорил он этак-то православный люд, почитай, что лет много.

Да стряся же над ним такой грех, что увязался с народом на промысел паренек молодой: из Корелы пришел и никто его до той поры не знал. Пришел да и поконался корщику: «возьми да возьми!» – и крест на себя наложил: православной, мол.

Приехали. Паренек-то вачеги – рукавицы, значит, суконные – просил вымыть. Вымыли ему рукавицы, да выжали плохо – осердился.

– Дай-ка сам! – говорит. Взял это он в руки рукавицы-то, да как хлопнет, что аглечкой из пушки разорвал! Народ-от и диву дался: паренек-то коли, мол, не богатырь, так полбогатыря навверняк будет.

А тут и Аника пришел свое дело править, попроголодался, знать, по лету-то.

– Давайте, – говорит, – братцы, мое; затем-де пришел и давно-де я вас поджидаю.

А парень-то, что приехал впервые, и идет к нему на устрету:

– Ну уж это, – говорит, – нонеча оставь ты думать, не видать-де тебе промыслов наших, как своих ушей, не бывать плешивому кудрявым, курице петухом, а бабе мужиком.

Да как свистнет, сказывают, он его, Анику-то, в ухо: у народа и дух захватило! Смотрят, как опомнились: богатыри-то бороться снялись и пошли козырять по берегу: то на головы станут, то опять угодят на ноги, и все колесом, и все колесом... У народа и в глазах зарябило. Ни крику, ни голосу, только отдуваются да суставы хрустят, и кувыркают они этак-то, все дальше да дальше, да и из глаз пропали, словно бы-де в окиян ушли. Стоит это народ-от да богу молится, а паренек как тут и был, пришел, словно ни в чем не бывал, да и вымолвил:

– Молись-де, мол, братцы, крепче; ворога-то вашего совсем не стало: убил, – говорит.

Да и пропал паренек-от. С тем только его и видели. И Аника-то тоже пропал...

<.> В становище Корабельна Губа, подле Колы, островок экой махонькой есть: зовут его Аникиным и кучу камней на нем показывают... А, стало быть, Аники-то, мол, этого могила. Так и в народе слывет.

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. С.143-144.

№ 5. Предание об Анике, рассказанное жительницей Териберки Карельской (запись Р. Липец)

1931

Аника, воин заграничный, приходил с запада, кажется, из Голландии. Приходил он на судах, останавливался у Цип-Наволока¹ или у Зубовских промыслов². Весь промысел зверя и рыбу – все отбирал.

С промышленниками был один наживальщик. А наживальщик был такой: лежал морж на льду, наживальщик и говорит:

– Хозяин, я там одному коту оторвал голову.

А смотрят: он моржовые клыки принес. И сказал он кормщику:

– Дайте мне с Аникой сразиться!

И вот они сразились. Сразу убил Анику наповал. Потом его спросили:

Куда твою долю промысла? Он сказал:

– Мне ничего не надо.

И скрылся, больше его не видали.

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. С.146.

¹ Цип-Наволоки – с XVI в. рыбацкое становище, с 1867 г. селение на северо-западном берегу полуострова Рыбачьего. *Примеч. составителя.*

² «Зубовские промыслы» – очевидно, происходит от *Зубовских островов* на северном берегу полуострова Рыбачьего. *Примеч. составителя.*

№ 6. Предание о великане, рассказанное жительницей дер. Нижняя Зимняя Золотица Приморского района Архангельской области М.С. Крюковой (запись Р. Липец)

1937

На Печенге приходил из каких-то стран великан, отбирал у промышленников первый улов. И когда нагрузит корабль рыбой, насытятся его глаза богатством, тогда разрешает им промышленлять. А кто если ему не даст улова, то убивал.

Раз пришел небольшой человек, стал проситься на суда рабочим:

– Жалованья мне не надо, а только кормить.

Много судов обошел, но никто не хотел брать, что бродячий человек. Наконец, на одно судно взяли, и он оказался очень понятливым: какую работу ни покажут, другой раз не надо показывать.

Тут промышленники стали ждать великана, боятся до него одну рыбинку уловить. Вот он пришел, а этот человек говорит своему хозяину:

– Дозволь мне с ним сразиться!

Все ужаснулись, но он сказал великану, чтобы сёйгод рыбы не ждал, предложил ему сразаться. Поднял великана и бросил его о камень, что тот не шевельнул больше ни ногой, ни рукой.

– Вот и все ваше страшилище!

Затем сказал своему хозяину, что весь род его будет жить не в богатстве, но в сытости, пожелал всем промышленникам счастливо промышленлять, спустился с судна и ушел в Печенгскую губу.

Критичная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. С.145-146.

№ 7. Предание о нападении шведов на саамский погост (запись В.К. Алымова)

[1985]

Приходили в старину в саамские погосты шведы, разоряли их, отбирали у саамов сильных людей и уводили их с собой. Им нужны были сильные люди.

Чтобы спастись от шведов, сильные люди из саамского народа прятались под землей. У Туломского падуна были подземные избушки. Здесь когда-то был погост. До сих пор здесь имеются ямки, заросшие землей и кустами.

Однажды к погосту пришел Чуэт-Ахкам со своей дружиной, но не заметил землянок. Пошел он искать погост, направился к Нотозеру, где теперь Рестикент стоит. Под горой Ионфарр он встретил саама и велел ему

показать, где находится их погост, и сказал ему, если он не покажет погоста, то будет убит. Саам согласился показать Чуэт-Ахкаму, где находится погост. Повел его с дружиной, но не захотел вести их по суше, чтобы они в самом деле не увидели погоста, а привел их к Туломе. Здесь сели все в большую лодку и поплыли вниз. Когда Чуэт-Ахкам услышал впереди шум воды, низвергающейся с падуна, он спросил саама, почему вода шумит. Саам ответил: «Здесь речная вода встречается с морской. При виде чужих людей здесь вода поднимает шум, эта вода не любит чужих людей. как увидит их — не подпустит». Потом он сказал им, что он, чтоб вода их не видела, накроет их парусом. Чуэт-Ахкам со своими людьми залезли под парус. Лодка быстрее и быстрее неслась к падуно. У самого водопада сам выскочил из лодки на скалу, а лодка понеслась в водопад. Водопад завертел лодку, лодка ударилась о камни и разбилась. Все шведы погибли, остался живым один Чуэт-Ахкам. Поплыл он к острову.

В то время на острове играл мальчик. У него был лук и стрелы. Мальчик увидел плывущего в сторону острова Чуэт-Ахкама. Натянул тетиву и пустил стрелу в грудь Чуэт-Ахкаму. А Чуэт-Ахкам подумал и сказал: «Неужели мне смерть придет от этого мальчика?» Стрела попала в грудь Чуэт-Ахкаму и убила его, он утонул. Так был спасен саамский погост.

*Мурман – край российский / Сост. В. Со-
рокажердьев. – М., 1985. С.66-67.*

№ 8. Предание о нападении шведов на Печенгский монастырь, рассказанное жителем дер. Колежма Беломорского района Карельской АССР Ф.А. Егоровым (запись Н.Криничной, В. Пулькина)

1969

Шведы напали, три раза Печенгский монастырь¹ разорили. Тогда Трифон Печенгский и сказал:

– Только три раза монастырь разорят, а на четвертый раз он по самые окна в землю уйдет...

Так оно и было.

Первый год когда работал (мальчишкой еще), меня пугали шведами на Мурмане.

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. - СПб., 1991. С.157.

¹ Печенгский монастырь основан преподобным Трифоном Печенгским в XVI в. После разорения шведским отрядом в 1589 г. был переведен из Печенги в Колу, с тех пор назывался «Кольско-Печенгским монастырем». В 1764 г. был закрыт в Коле по закону о секуляризации духовных вотчин. В 1886 г. монастырь был возобновлен на Печенге. См.: Федоров П. История Трифоно-Печенгского монастыря (1886-1917 гг.). – Мурманск, 1996. *Примеч. составителя*

№ 9. Предание о нападении шведов на Печенгский монастырь, рассказанное жительницей дер. Нижняя Зимняя Золотица Приморского района Архангельской обл. М.С. Крюковой (запись Р. Липец)

1937

В Печенгу шли иностранцы. Шли для погубления Печенги. Легли спать, и после все онемели, что ни по-своему не могут, ни по-русскому. После одному отдался язык, он сказал, что когда стали спать ложиться, пришел старец с огоньком и сказал:

На русскую землю пришли, да не с хорошим помыслом! После стали просить прощения, как вернулись языки. После шли шведы, сила. Встретился им человек, спросил:

– Куда, дружья, идете?

Они сказали, что разгромить Печенгу.

– Это дела хорошие.

Повел их, привел к двум горам – открылась яма.

– Вот вам за ваши добрые дела!

Они там и остались, а горы сошлись, как и были.

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. С.157.

№ 10. Предание о нападении шведов на Печенгский монастырь, рассказанное жителем Колы Г.Р. Миккуевым (запись А.П. Попова)

1938

Часть шведов высадились недалеко от Печенгского монастыря, где был в то время со стадом оленей лопарь по имени Яков. Шведы предложили ему отвести их в Печенгский монастырь. Яков согласился. Грабеж монастыря начался в ночь на Рождество. Яков тоже принимал участие в грабеже. Монахов перебили, имущество взяли. Шведы предложили Якову везти их на оленях дальше по направлению к Коле. Яков ночью вез их через горы. Подъехал к громадной пахте и свалил в нее оленей и всех шведов.

*Мурманской областной краеведческий музей.
НВ 5187/1-15. Л.54.*

№ 11. Предание о нападении шведов на Ковду (публикация А. Михайлова)

[1868]

Давно когда-то <...> пробирались по реке Ковде для грабежа из Финляндии какие-то люди, должно быть, шведы <...>. Близко подошли уже люди эти к селению, но нашелся человек, который спас село свое от предстоявшего ему разграбления.

Чтоб добраться до селения, шведам необходимо было спуститься по порогу, и этот-то человек взялся быть их проводником. Вражьи дети <...> сели в лодку и быстро понеслись вниз по течению реки, как вдруг, совершенно для них неожиданно, предоставлены были самим себе в нескольких саженьях от порога. Находчивый проводник оставил их в самую критическую минуту, быстро выскочив из лодки на прибрежный камень, когда она огибала упомянутый выше дугообразный берег. Враги не успели еще прийти в себя от изумления и ужаса, как были увлечены в порог, где ожидала их неминуемая гибель.

<...> на берег, тотчас же за порогом, выброшено было сорок рукавиц...

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. С.167-168.

№ 12. Предание о нападении шведов на Ковду (публикация К. Случевского)

[1897]

<...> шведы пришли по обыкновению на реку Ковду грабить. Чтобы добраться им до села, нужно было пройти порог и нужен был человек, способный провести лодку. Нашелся такой человек, но на самой быстрине соскочил он с лодки на берег, оттолкнул ее, и все находившиеся в ней погибли. Выплыло только сорок рукавиц.

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. С.168.

№ 13. Предание о нападении шведов на Кандалакшу, рассказанное в Кандалакше (публикация В.И. Немировича-Данченко)

[1877]

Богатая обитель была. Братии больше трехсот человек считалось. Богачества – нивесть сколько. Счету в них монахи не знали. Что утвари

этой, что злата, камня самоцветного, и не перечеть!.. Скота, угодий – ну, как ноне Соловки...

Стояла это, стояла обитель – и вдруг прошел слух, что швед идет на нее. Иноки сейчас скот угнали в горы, сокровища свои все зарыли, колокола бросили в реку и завалили их камнями. И доселе на дне реки Нивы, в Куйке, виднеются уши большого колокола... Потом стали молиться богу. Ждать-пождать... Приходит враг – в обители литургия шла. Швед этому не внял. Всех иноков перебил. Священник выходит с дарами – его рогатиной, диакона тоже. Только старца одного придушить забыли, так господь ему такую силу дал, что после он один всех триста иноков схоронил и сам на за-спанной могиле помер. Монастырь шведы сожгли и убрались восвосяси...

И поныне тут мерещится разное. В зимние ночи слышно точно пение, согласное такое, да старинное. Старики сказывают, что тут и видения бывали разные, да не такое ныне время, праведники не являются...

<...>

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. С.152-153.

№ 14. Предание о нападении англичан на Кандалакшу, рассказанное в Кандалакше (запись Н. Колпаковой)

1895

Церковь над Нивой была выстроена на месте древнего Коккова монастыря¹, разрушенного шведами несколько веков назад. С давних пор тут жили монахи с настоятелем, служили обедни и всенощные, ловили рыбу на лучших тонях вокруг Кандалакши и не знали никакого горя. Беда пришла в 1854 году: английский флот явился в Белое море, и часть вражеских судов остановилась против Кандалакши.

Монахи переполошились: в монастыре с давних пор хранилась заветная святыня – дивного звона серебряный колокол, висевший на колокольне. Боясь, как бы враги не добрались до их сокровища, монахи собрались ночью и, сняв колокол с его обычного места, с пением молитв и со

¹ «Кокковым» назывался Кандалакшский Пречистенский монастырь, основанный в XVI в. на берегу реки Нивы и существовавший в качестве самостоятельной духовной корпорации до 1742 г. И.Ф. Ушаков не исключал, что название «Кокков» или «Кокуев» могло быть унаследовано от другого монастыря, находившегося близ Порьей Губы. По мнению ученого, это произошло после шведского нападения в 1589 г., когда порьегубские монахи переселились в Кандалакшский монастырь. См. подробнее: Ушаков И.Ф. Избранные произведения. В 3 т. – Мурманск, 1998. Т.3. С.37-38; Никонов С.А. Кандалакшский монастырь в XVI-XVIII вв.: исследования и материалы. В 2 ч. – Мурманск, 2011. Ч.1: Очерки истории. *Примеч. составителя.*

свечами в руках понесли его к Ниве. Они хотели на время спрятать колокол под водой, чтобы достать его после ухода англичан. Но произошло нечто неожиданное: как только колокол скрылся в реке, тотчас же, откуда ни возьми, над этим местом встал огромный камень, и вокруг камня завилась, забурилась водоворотом вода. Много раз после ухода англичан пытались и монахи, и рыбаки достать заветное сокровище – никому это не удавалось. Сейчас, по словам стариков, если подойти к реке и заглянуть в водоворот, увидишь, как на глубоком дне поблескивают сквозь прозрачную воду серебряные грани. Но с каждым годом колокол уходит все глубже и глубже, так что надежды на его возвращение уже почти не осталось.

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. С.153-154.

№ 15. Предание о нападении англичан на Кандалакшу, рассказанное жительницей Кандалакши М.А. Кяльминой (запись Н. Колпаковой)

1933

А было это, голубушка, годов восемьдесят назад. О ту пору к нашей Кандалакше агличанка подходила. Слыхала? Ну, так вот. Чего ей тут нать было – лешой знат. А тольки пришла. И уж сыздали про ее слава шла: идет агличанка, ружьям да пушкам палит, деревни жгет, народ погубляет.

А у нас тут монастырь был, край самой реки Нивы, в Заречьи. Какков монастырь звался. Настоящий монастырь был, с монахам, с настоятелем, все честь честью. И был в монастыре на колокольне колокол серебряной, с узорам. И звонил он звоном таким-то малиновым... Ну, вот. Как про агличанку монахи прослышали – затревожились. Нать было колокол спасть. А куды спасешь? Ухоронить-то некуды. Думали, думали, однако надумали. Сговорились, ночью колокол с колокольни сняли да с пенъем, со свечами и с крестным ходом к реке его отнесли. Да промежду порогов в воду-то и спустили. Пушай, думают, пока под водой полежит, а пройдет беда – снова его на колокольню вздымем. А река Нива у нас буйна, порожиста, камениста. Над колоколом сейчас же большущий камень сам собой навалился, и вода округ его ровно котел кипящий завилась.

Ну, пришла агличанка, пошибевала, поразбойничала и ушла однако. Пошли монахи к реки колокол здымать. А колокола-то уж и не достанешь. Как ни пытались – ничё не поделать: вода бурлит, крутится, а колокол все глубже под пороги на дно уходит. Так и отступились.

И пошел с той поры у стариков завет – беспрременно колокол вытащить. Как его опять на колокольню здынут, да звоном своим серебряным он зазвенит – тут все снова по-старому и пойдет. А в старом-то много хощего было: была у нас тут така гора лесиста, Погана варака прозывалась. Лес на ей был огромной, и малины в этом лесе и другой всякой ягоды

была сила несусветная. Так вот тыи леса нонь-то все повыврубили и нонь на том месте кипиратив и больница стоят. Где прежь болотца в травах лежали – нонь почта, школа да сельсовет. А как колокол-то зазвонит – так все опять и перевернется: почта и школа скрозь землю провалятся, чугушка лесом зарастет, над больницей камни содвинутся, все дороги мохом-ягелем зарастут и пойдут по прежним лесным варакам девки во снарядных сарафанах собирать княженику-ягоду да малину...

Тольки вот беда: нам-то колокола не вытащить, слабы стали, остарели, а молодежь нонь к святыне-то не больно прилежает: знай, хохочут. Так скоро и место-то, где колокол спущен был, скоро совсем забудется...

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. С.154.

№ 16. Предание о нападении англичан на Колу в 1809 году, рассказанное жителем Колы Харчевым (запись А.П. Попова)

1938

В 1809 г. англичане напали на Кольскую крепость. Гарнизон солдат вначале не оказывал сопротивления. Один из старших офицеров говорил, что все равно англичане всех побьют. Тогда вышел один кольский житель (его фамилия Герасимов). Сам взялся и командовал солдатами, а из жителей Колы организовал отряд. Этот отряд тоже стрелял по врагу из пушек¹.

*Мурманской областной краеведческий музей.
НВ 5187/1-15. Л.61об.*

¹ Содержащиеся в предании сведения о Герасимове не соответствуют действительности. Герасимов Матвей Андреевич (1779-1831) – мещанин г. Колы, кормщик. В августе 1810 г. принадлежавшую М. Герасимову ладью, которая следовала в Норвегию, захватил английский фрегат. Через 4 дня фрегат повернул обратно, а ладье было приказано следовать в Англию. К управлению судном англичане поставили М. Герасимова и его боцмана. Кольский кормщик с четырьмя товарищами решили воспользоваться ситуацией, и на 11-й день овладели судном: заперев в каюте британского офицера и шестерых матросов, они причалили в порту г. Варде, где сдали пленных коменданту города. Александр I наградил М. Герасимова знаком отличия Георгиевского креста. Ему также оставили ипагу английского офицера и британский флаг «для хранения у себя и потомков своих на память о подвиге». См.: Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. – Мурманск, 2010. Ч.1: Словарь. С.69. *Примеч. составителя.*

№ 17. Предание о нападении англичан на поморские селения и Соловецкий монастырь, рассказанное жительницей с. Кузомень Е.И. Сидоровой (запись Д.М. Балашова)

1957

Вот здесь – ну, пусть сто с небольшим лет – заходила англичанка, стала разорять здешний берег. Пришла сюды, и по всей деревне заубегали, и километров за десять уехали, в Прилуцкий Ручей уехали. Фёклы отец только родился, туда крестить и уехали.

Ну вот, пришла англичанка, и все, у кого как ружьишка были кремневы, достали, и пошли мужики к берегу. И выстроились, и поехали те в лодке с парохода, и мужики выстрелили в них несколько раз, а те не выстрелили: они не столько убивали, сколько грабили, корову где, еще что. Ну, шлюпка пошла, наши выстрелили, они головы наклонили, веслы опустили и пошли назад, к кораблю; столько-то они тут и разоряли!

И пришли дальше, в Стрельну, – маленька деревня, а как туман, им и кажется, что большой город, – они и начали стрелять-палить. А там уж все в леса убежали, – ну уж, заходила англичанка, зашишевала, так все и убежали. И палили-палили. Как туман прокинулся, видят – маленькая деревня. Англичанка говорит (а будто женщина там была, а не мужчина): «Будь ты проклят, городок, попалил весь порошок!»

Ну, потом в Умбу пошли, там в устье стали. Прежде-то в Умбы тоже в устье пароходы заходили. Там попала; тоже мужики собрались, у кого ружьишко...

Потом пошла она в Соловецкий монастырь. В канун Казанской – пришла и стала палить.

(Я сама-то была в монастыре, три раза вожена была – так ядра там с человеческую голову; так оградки там, и ядра кучами собраны. И как куда ядро пало, то черное пятно в стены есть).

Ну, сколько она палила-палила, ничего разбить не могла. И столько чайки налетело, облаком; и этот корабль з... и совсем, и они ушли из монастыря.

И этим чайкам так стали верить в монастыре, и не дали никому из богомольцев чаек обижать.

И она, англичанка, стала дань платить каждый год, пока эти времена не стали, до переворота этого; все каждый год возила по пароходу голландского угля.

Где-то, говорили, сколько-то она быков забрала да коров, но это там, дальше, а тут ничего сделать не смогла.

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. С.164-165.

№ 18. Предание о нападении англичан на поморские селения, рассказанное жительницей с. Кузомень Н.С. Богдановой (запись Н. Колпаковой)

1933

Лет сотню назад агличане сюды приходили. Деревню Пялицу сожгли, каку-то деревню, – кажется, Стрельну, – а потом и к нам сюды на кораблях пришли. Вышли они на берег, а наш народ-то детей в горы увел, а сами все с вилами да с батогами на берег сошли, да на угоре и выстали. Агличане и кричат:

Подавайте нам коров! А мужики-то и отвечают:

А заместо коров не хотите ли комаров?

Так давайте оленей.

Оленей тоже не дали. Агличане и спрашивают:

– Все ли вы тут?

А они, мужики-то, и отвечают:

– Куды там! В деревне в десять раз больше осталось. Агличане-то не видали, что у их вилы, – думали, ружья. Ну, что ж им было делать. Испугались, конечно, да и вон пошли. С тех пор не бывали. Всё.

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. С.166-167.

№ 19. Предание о нападении англичан на Иокангу, рассказанное жителем Иокангского зимнего погоста М.И. Титова (публикация В.В. Чарнолуского)

1927

Было это в досельное время. Не так-то давно: на памяти наших прадедов. Ну, однако, не раньше.

Жил в те годы в Иоканге¹ нестарый еще лопин – Калина Степанович. Это его отец взял под себя пожню Степанова трава – вон, на том берегу виднеется! Там, против этой Степановой травы, на нашем берегу его вежа стояла. Там он семгу ловил, там у него был котелок, недавно купленный, там и жил он в своей вежущке. Очень хитрым мужиком уродился этот Калина.

В те годы, в молодые годы Калины, царь брал лопарей на военную службу. Приехали за новобранцами, а Калина в лес подался. В другой раз приехали – тоже в нетях. В третий раз требуют, а Калины нет... Старостой

¹ Иоканга (Иоканьга) – саамский погост в северной части Кольского полуострова, в районе мыса Святой Нос. *Примеч. составителя.*

тогда ходил Иван Игнатович Матрехин, умный был старик; он отписал в бумагах: «Умер Калина Степанович Титов». Нету... Умер так умер – и стал жить Калина в мертвых.

Жили-пожили. И вот пришло такое время, что англичанка стала к нам похаживать. Никто их не звал, никто их знать не знал, а только они мимо нас на своих корабликах плавали, да и не одними суденышками, а многими. Где-то там постреливали, кого-то там пугали, а все больше около Поноя крутились; бывало, и в нашу губу захаживали. В Архангельске не стало пути – ни приезду, ни уезду.

По такому случаю роздали нам, лопарям, на каждый погост по ящику ружей. Тяжелые это были гремяхи, нам не по росту. Ну, гремяхи они и есть гремяхи: грому много, толку мало. Однако против наших шомполок они стреляли очень хорошо. Нам нравилось забавляться с ними и стрелять из них.

Один раз зашел англичанский корабль к нам в губу за пресной водой. Высадились они у Степановой травы. Как узнали, что вода тут хорошая?

Старики наши про то проведали. Похватали гремяхи, побежали за горушку, что на нашем берегу, против Степановой травы, залегли и давай стрелять. Стреляли и стреляли, так, больше шутки ради. А шутка-то получилась плохая: убили одного англичанина!

Ушли они, а вернулись на наш берег. Высадились не пустые, а с орудием. И пошли на приступ, пленовать наш Иокангский «город». Старики наши за пригорком притаились, готовят им угощение.

Калина оказался упрям: не захотел он дом свой, и котелок свой, и семгу свою англичанам оставить. Посмотрел туда, посмотрел сюда: тут и дом, тут и рыба сваренная, и котелок с ухой ждет – бери ложку и хлебай! Жалко отдавать уху.

– Не дам мою семгу англичанкам отведать!

Отвернул он от котла проволочную ручку, чтоб не могли котелок унести, проволокой вокруг пояса обмотался, а сам спрятался за камень, что повыше вежи лежал, и начал палить по англичанам, только пули засвистели. Англичане строем идут, орудия ташат, впереди начальники идут. Пуговки на них сверкают, эполеты блестят. Идут и стреляют.

И наши стреляют по ним. Англичане остановились и ахнули залпом. Наши побежали, а сами знай стреляют. И пошла у них перестрелка до обеда, на обе стороны. Старик Калина не убежал. Ругается и все боится: вот англичане его вежу разнесут, его семгу съедят. Сидит за камнем Калина, постреливает, свою вежу бережет, свою семгу жалеет, а сам смекает: если англичане еще вперед пройдут, он окажется у них позади; тогда он в свою вежу вскочит и отстоит ее, не даст ее в обиду, отстрелится: он их видит, они его нет! Чья возьмет?

Англичане мимо вежи прошли, не тронули, даже не заглянули в нее. А Калина между тем знай себе стреляет из своей вежи, свой котел бережет,

свою семью спасает. Палит он из своей гремяхи раз за разом, и оказался он совсем уже позади англичан.

Англичане иокангских ребят и стариков-то наших пугнули, а сами дальше не пошли; изуродовали все семужные сети и тони разорили.

Калинову вежу обошли, хотя она на пути стояла, однако в стороне, мимо прошли.

Калина загордился: это он англичан прогнал. Это он Иокангу-город отстоял!

Мало времени прошло, стало слышно: царь требует Калину к себе, хочет посмотреть, каков он есть, тот лопарь, который один Иокангу спас.

Требуют Калину из Колы – Калина не идет. Другой раз требуют – Калина в лес побежал. На третий раз царь дает приказ: изловить и предоставить вобязательно!

Словили Калину и в цепи заковали.

А цепи не держат! Он-таки был немножко знаткой, просто сказать, хитрющий мужик. Опять Калина убежал.

Еще сколько-то времени прошло, Калина поехал за дровами; дровишки привез, а сам говорит ребятам, что тут играли: «Детки! Когда шняка придет, скажите мне, скажите, когда шняку завидите!» А шняка-то уже в берег ткнулась!

Эполеты светятся, духами по улице понесло – то молодой начальник со шняки сходит, прямо к старосте идет. Так и так, говорит, за вашим Калиной приехал.

А Калина тем временем на озере сижков ловит...

Староста Иван Игнатович отвечает, что Калина умер, нету того Калины. «Да вы не извольте беспокоиться, будет вам Калина не хуже покойника».

Молодой начальник не верит, спор затеял.

Иван Игнатович отвечает: «Ваше высокоблагородие! Он умер! Посмотрите в бумаги!»

Ну, завели начальство на отведенную квартиру. А там дочка-красавица. Начальнику бумаги показывают: вот, поглядите, Калина умерши, он у нас в нетях значится.

А начальник в бумаги не смотрит, он девкой любит, глаз не оторвет. Ему говорят: «У нас другой Калина есть, на того похожий. Вот, извольте посмотреть!»

Куда там! Начальник от девушки глаз не отводит, сахаром угощает, ничего не слышит и не видит. Насилу-насилу усадили начальника в шняку, брагой напоили и в путь отправили. Другой Калина его до самой Колы вез.

«Вот, – говаривал Иван Игнатович настоящему Калине, – умный поп тебя крестил! А ты от своего счастья убежал».

*Чарнолуский В.В. В краю летучего камня:
Записки этнографа. – М., 1972. С.31-34.*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Сгруппируйте вышеприведенные предания (№ 3-19) по образу неприятеля, а затем – по месту нападения. Сравните родственные предания между собой. Как инвариантность повествования влияет на сюжет? Что остается неизменным?
2. Предположите, какой исторический период отражает цикл преданий об Анике-разбойнике и «великане» (№ 3-6)?
3. Сравните предания о шведских и английских нападениях (№ 7-19) с документальными сведениями, вошедшими в книгу И.Ф. Ушакова «Кольская земля».

3. ПРЕДАНИЯ О ПРОМЫСЛЕ

В народной памяти сохранились истории о хозяйственной деятельности местного населения. Примером может послужить предание о «хозяине становища», известное в нескольких вариантах, в котором отражена социальная организация мурманского рыбного промысла.

№ 20. Предание о «хозяине» становища, рассказанное П. Малыгиным в Архангельске (запись Р. Липец)

1936

Были «хозяева» становища, как первые заселенцы. Им, когда приходили в становище, надо было платить, прежде чем промыслить. Кто деньгами, кто рыбой, кто подарки большие делали. Колдун становища Лицы был первый населедец. Слышал я от своего дедушки, – он сейчас покойный, – кто не хотел на подарки, то начинали бороться: «Согласен ли бороться?»

В Койде был Федор Кренев, колдун. Они сошлись бороться. Тот ударил слабо, а Кренев сильно. На второй раз они начали сходитьсь, тот привез в шлюпке войско, рабочих своих, – богатый, что ли, был... А Кренев научил своих:

– Как они будут на судно лезть, колотите их башлугами (?) по рукам.

Они так и сделали, а Федор Кренев спустил им в шлюпку двухпудовую гирию. Шлюпка затонула – и делу конец. Они-то выплыли все, но драться уже не стали.

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. С.145.

№ 21. Предание о «хозяине» становища, рассказанное жителем дер. Нижняя Зимняя Золотица Приморского района Архангельской обл. Ф.Н. Шибаетым (запись Р. Липец)

1937

Был на Мурмане такой, приходил на своей лайбе, и пока ему не напромышляют, не позволял никому промышлять. Так было много времени, пока на промысла не пришел один наживальщик. И сказал:

– Ни одной рыбины ему не дам!

Хозяин его судна и остальные рыбаки говорили:

– Что ты! Он нас всех убьет.

– Никого не убьет, а рыбины ни одной не дам.

Когда пришел тот, наживальщик отказался дать рыбы. Тот на него – наживальщик его вернул, так поборол, что тот запросил:

– Спусти меня живого, больше никогда не приду.

Так и было. Кто был наживальщик и откуда – неизвестно.

Тот же наживальщик, у какого хозяина был, он ему дал вачеги пережимать. Наживальщик спросил:

– Как пережимать, посуше или помокрее?

Хозяин сказал, что посуше. Он разорвал рукавицы надвое и подал. Хозяин на него было, а тот только колонул его кукишкой по голове, тот и уселся. С тех пор ни рукавиц уж не стал его заставлять выжимать, ничего.

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. С.144-145.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему социальная организация на промысле порождала иерархические отношения между промышленниками?

2. Что такое покрут? Могли ли предания о «хозяине становища» отражать проявления покрута на Мурмане?

4. ПРЕДАНИЯ О ПОСТРОЙКАХ И СООРУЖЕНИЯХ

Отдельная группа преданий посвящена постройкам и сооружениям. Людской молвой распространялись легендарные истории о возникновении священных и потайных мест (храмов, поклонных крестов, подземных ходов и т.д.).

№ 22. Предание о строителе Кольского собора (публикация С.В. Максимова)

[1859]

Ну, да ладно, стану я сказывать теперь тебе про мастера, что строил собор-от наш: мастер этот был не из наших. Построил он много церквей по Поморью, затем и нашу. В Нюхче увидишь похожую, в Колежме; только раз в пять поменьше те будут. Церкви он строил почесть что задаром; говорил: меня-де только без денег домой не пускайте, а я-де Богу работаю, мзды большой не приемлю. Так построил он в Шунге церковь. Позвали к нам в Колу. Согласился, пришел и к нам, и у нас работал, и у нас соорудил церковь: вывел ее, значит, до глав. Довел до глав и идет к старосте:

– Я, – говорит, – главы буду выводить два месяца. Когда весь ваш народ, говорит, с промыслов домой придет, тогда-де и кресты поставим.

– Да не долго ли, святой человек, – говорит староста-то, – чай, и скорей можно?

– Нет, – говорит, – скорей нельзя.

– Ну-де, как знаешь!

– Я, – говорит, – не с тем сказал и пришел к тебе. Ты, – говорит, – надо мной не ломайся, потому как я мастер и для Бога работаю, а не для ваших бород. У меня-де и своя таковая-то есть.

Подивился тут староста, подивился: ни с чего-де человек в сердце вошел. А он и сказывает:

– Ты, – говорит, – на всю ту пору мне клади по кубку вина утром, в полдень и вечером: без того-де и работать не стану.

Староста стал торговаться с ним: на двух кубках порешили, да чтобы поутру не пить. Так он тяпал, да тяпал и главы стяпал. Народ с промыслов стал собираться. Опять пришел мастер к старосте, сказывает:

– Не надо, – говорит, – мне вина твоего, а через неделю повести народ, чтобы собрался – середний крест ставить стану, так чтобы при всех это дело было. Я, говорит, так и батюшек-попов повестил.

– Ладно, – сказывают, – будет по-твоему. Осталось три дня, церковь готова и крест у церкви к стене прислонен стоит: бери, значит, поднимай его да и ставь.

– Не пора ли-де? – Опрашивают.

– Нет, – говорит, – сказал в воскресенье – так и будет.

Глядят: сидит мастер на горе против собора, плачет, утром сидит, в полдень сидит, вечером сидит и все плачет... Обедать зовут – ругается, спать зовут – пинается, а сам все на собор-от на своей смотрит, и все плачет. Сидит он этак-то и на другой день и другую ночь, и плачет уж – всхлипывает. Ребятки собралась, смеются над ним – не трогает, не гоняет их. В субботу только к вечерне сходил и опять сел на горе и просидел

всю ночь. В воскресенье после обедни только вина попросил, да хлеба с солью на закуску. Народ собрался весь, и стар и мал; лопари, слышь, наехали из самых дальних погостов. Все его ждут. Приходит хмурый такой, нерадостный и хоть бы те, слышь, капля слезинки. Ждут, что будет. Молебен отпели, староста с шапкой мастера обошел народ: накидали денег много в его, мастерова значит, пользу, по обычаям. Полез он с крестом на веревке, уладил его, повозился там, стал у подножия-то – кланяется. Народ ухнул, закричал ему: «Бог тебе в помощь, Божья, мол, над тобой милость святая!». Все, как быть надо. Стал слезать – народ замолчал, слез – ждет народ, что будет, не расходитя.

– К вам, – говорит, – православные слово и дело. Пойдем, – говорит, – вместе на реку на Тулому вашу. Там, говорит, я с вами толковать буду.

Народ испугался на первых-то на порах, да видят лицо его кроткое такое, светлое: поверили, пошли – смотрят. Подошел он к крутому берегу, вытащил из-за пояса из-за своего топор: размахнулся, бросил его в воду и выкрикнул:

– Не было такого мастера на свете, нет и не будет!..

Сказал слова эти, бросился в толпу. Побежали за ним, кто догадался. На квартиру пришел. Целый день не ел, все ревел, благим матом ревел, да потом оправился и денежки взял и в свое место ушел.

И с той поры, сказывают старики, сколько ни было ему зазывов, поклонов низких, просьб почестных, никуда не пошел, топора не брал в руки. Лет с десяток жил после того и пил, мертвую пил. Тем и помер.

Максимов С.В. Избранные произведения. – М., 1987. Т.1: Год на Севере. С.184-185.

№ 23. Предание о поклонном кресте и старинной часовне в Коле, рассказанное жителем Колы Ф. Сусловым (запись А.П. Попова)

1938

Этот крест поставлен попом Варлаамом (Варлаамом)¹ в честь посещ[ения] Трифона Печенгского², когда он шел из Торжка в Печенгу. Рядом с этим крестом была построена, ныне не сохранившаяся, часовенка, существовавшая около 650 лет. В ней были старообрядческие створчатые иконы, что указывает на существовании в Коле старообрядцев. Когда во

¹ Варлаам Керетский – кольский священник, живший в XVI в. Почитался на Севере как местно чтимый святой. *Примеч. составителя.*

² Трифон Печенгский – православный миссионер, приобщал саамов Западного Мурманка к русской вере. Умер в 1583 г. Причислен к лику святых. *Примеч. составителя.*

время полноводья поднималась вода, то часовню и крест укрепляли тросами к якорю.

*Мурманской областной краеведческий музей.
НВ 5187/1-15. Л.48об.-49.*

№ 24. Предание о подземных ходах в Коле, рассказанное жительницей Колы О.В. Обнорской (запись Е.Р. Михайловой)

2012

У нас же в Коле, рассказывали, были два подземных хода, которые... могли люди передвигаться. Вот, по-моему, даже один подземный ход был от Благовещенской церкви до... этого... казначейства¹.

Архив кафедры истории МГГУ

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Проанализируйте содержание предания о строителе Кольского собора (№ 22). О каком храме в нем может идти речь? Что могло стать причиной появления этой легенды?
2. Сравните текст предания о старинном поклонном кресте в Коле (№ 23) с документальными сведениями, вошедшими в книгу И.Ф. Ушакова «Кольская старина» (очерк «Кольский крест»).
3. Проанализируйте достоверность предания о подземных ходах в Коле (№ 24). При ответе на этот вопрос познакомьтесь с работой И.Ф. Ушакова «Кольский острог».

¹ Имеется в виду здание бывшего уездного казначейства на Советском проспекте. *Примеч. составителя.*

Раздел 2. ИСТОРИЯ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА XIX-XX ВЕКОВ В РАССКАЗАХ ОЧЕВИДЦЕВ

В памяти очевидца или современника исторических событий могут сохраняться мельчайшие подробности и социальные контексты, которые далеко не всегда фиксируются в письменных источниках. Устная история восприимчива не только к ярким, судьбоносным событиям (таким, как военные действия, политические перевороты и т.д.), но и к тихим и, на первый взгляд, неприметным фактам, составляющим повседневную жизнь человека.

Как и любой источник, устная информация несовершенна. В ней могут встречаться фактические ошибки, противоречивые утверждения. Объективное и субъективное переплетаются в устном воспоминании, и задача исследователя состоит в анализе и своеобразной «сортировке». Субъективность в данном случае не является пороком: напротив, личные и пристрастные оценки информанта (если они вызваны не дефектами памяти) позволяют рассмотреть все неровности и шероховатости социальной ткани.

Целенаправленная запись устной истории на Кольском Севере началась в середине 1930-х гг., когда сотрудники мурманской Истпарткомиссии стали опрашивать участников революции и Гражданской войны, оформляя беседы в стенограммы. Они сохранились в Государственном архиве Мурманской области. В 1938 г. расспросами старожилов в Коле занимался А.П. Попов, записавший не только предания, но и воспоминания очевидцев и современников событий. Ныне они хранятся в Мурманском областном краеведческом музее.

В дальнейшем практика сбора устной истории на Кольском Севере временно была прекращена. Она возобновилась только в конце 1980-х гг., когда группа энтузиастов Хибинского общества «Мемориал» занялась опросами бывших спецпереселенцев и заключенных, трудившихся в годы первых пятилеток на строительстве важных промышленных объектов в Хибинах. Результаты их работы – в виде записанных устных воспоминаний – были включены в сборник «Спецпереселенцы в Хибинах» вместе с другими материалами (мемуарами, научными текстами и т.д.) по этой теме.

Благодаря устной истории, проявился интерес к судьбе исчезнувших населенных пунктов Кольского Севера. Устные воспоминания бывших жителей села Большая Западная Лица были собраны и опубликованы А.М. Степаненко в книге «Расстрелянная семья». Устные воспоминания жителей сел Терского берега и поселка Порт-Владимир на Мурмане вошли в книги, автором-составителем которых является мурманский краевед и литератор М.Г. Орешета.

Устные воспоминания участников и очевидцев военных действий в Заполярье 1941-1944 гг. вошли в книгу норвежского исследователя Х. Хенриксена «Мурманские конвои».

К сожалению, далеко не всегда устные тексты при любительской записи фиксировались точно: нередко собиратели и публикаторы подвергали их литературной обработке. Но и в таком виде они представляют определенный интерес.

Зачинателем научных исследований в центральных и южных районах Кольского полуострова с использованием источников устной истории стала главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН доктор исторических наук И.А. Разумова. Она является автором целого ряда работ, среди которых следует отметить монографию «Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин» (СПб., 2009).

В 2012 г. инициативная группа Мурманского государственного гуманитарного университета занималась сбором устных воспоминаний в старинных населенных пунктах на севере Кольского полуострова – городе Колы и селе Териберка в рамках проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом и Правительством Мурманской области¹.

1. АНГЛИЙСКОЕ НАПАДЕНИЕ НА МУРМАН 1854-1855 ГГ.

Одна из наиболее ярких и одновременно трагичных страниц в истории Кольского Севера – нападение английской эскадры на населенные пункты края в годы Крымской войны. Естественно, что историю проведения этой военной акции запомнили современники: если возникала необходимость, они охотно рассказывали и пересказывали ее. Нижеприведенные тексты были записаны ближайшими потомками очевидцев события – их пересказы не успели еще превратиться в предания, поэтому они довольно реалистичны.

№ 25. История о нападении англичан в море, рассказанная жителем Колы Харчевым со слов очевидцев события (запись А.П. Попова)

1938

Мой дед с тремя сыновьями шел из Архангельска на парусном судне. Повстречали английское судно, с которого был подан сигнал, остановиться. «Вот что, ребята, поднимайте паруса!» скомандовал дед. Суденышко бросало волнами во все стороны, оно трещало. Когда Григорий (мой отец)

¹ Несколько текстов, собранных в ходе данной экспедиции, вошло в настоящую хрестоматию. Материалы экспедиции планируется опубликовать.

заметил, что, пожалуй, судно не выдержит, старик ответил: «лучше умрем от воды, чем от англичан». С английского корабля начали обстрел ядрами, но дед, под всеми парусами, быстро скрылся из вида.

*Мурманской областной краеведческий музей.
НВ 5187/1-15. Л.51об.-52.*

№ 26. История о нападении англичан на Колу в 1854 году, рассказанная жителем Колы Иевлевым со слов очевидцев события (запись А.П. Попова)

1938

Кола в 1854 г. подверглась нападению англичан. Английские корветы вначале остановились против Зеленого мыса. Представителем от Колы для переговоров поехал Григорий Немчинов. Но англ[ичане] потребовали скот и женщин. Тогда Григорий Немчинов срезал у них все баканы, за что впоследствии получил медаль <...> 8 августа англичане подошли к Коле. Военные силы, охр[анявшие] Колу, в к[оличест]ве 80 чел. почти не оказали сопротивления, они даже закололи своего офицера¹ (сейчас сохранились 2 пушки, защ[ищавшие] Колу, одна из них ржавеет на улице, а вторая лежит в тине у залива). Коляне скот угоняли в горы, а имущество вывозили в лодках вверх по реке Туломе. Англичане ядрами обстреливали эти лодки, но случаев попадания не было. (Ядер и сейчас много находят около того места). Вся Кола за исключением Верховья, была выжжена англичанами.

...Около Туломской гидростанции есть гора Караульная варака. Название свое она получила потому, что население Колы в 1854 году от англичан бежало скрываться вверх по р. Туломе, а на высокой горе, которая впоследствии и названа Караульной, были поставлены наблюдающие (караульные) посты.

*Мурманской областной краеведческий музей.
НВ 5187/1-15. Л.49-49об., 60об.-61.*

¹ Речь идет об инциденте, который произошел в Кольской инвалидной команде 31 июля 1854 г. Согласно рапорту командира 1-го Архангелогородского гарнизонного батальона полковника Фрезера, «рядовой Михайло Жалобнев... был призван... капитаном Пушкаревым в сборную избу для спроса о причине ослушания его. Но когда капитан Пушкарев подошел к рядовому Жалобневу, то он имевшимся в правом рукаве шинели ножом нанес ему в левый бок две раны, одну подмышку, а другую ниже ребер... Пушкарев по нанесении ему ран выбежал из сборной избы к своей квартире, отстоящей на 55 сажень, и от истечения крови упал в оной на лестнице». Спустя некоторое время, едва оправившись от полученных ран, капитан Пушкарев в виду большого самочувствия не смог принять участие в боевых действиях против англичан и был отправлен лейтенантом А.М. Бруннером в безопасное место. См.: Давыдов Р.А., Попов Г.П. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны. – Екатеринбург, 2005. С.94-95, 100. *Примеч. составителя.*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Сопоставьте вышеприведенные устные воспоминания (№ 25-26) с преданиями о нападении англичан (№ 16-19)? Что сближает, а что разъединяет предание и рассказ современника?
2. Сравните устные воспоминания об обороне Мурмана и Колы в годы Крымской войны с документальными сведениями, которые отражены в книге И.Ф. Ушакова «Кольская земля» (глава 13 «Борьба жителей Кольского края с англо-французскими захватчиками в годы Крымской войны»). Что свойственно, с одной стороны, обыденному, а с другой стороны, научному образам истории обороны?

2. ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Излюбленными темами устных воспоминаний местного населения Кольского Севера являлись природные явления (землетрясения, наводнения и т.д.). В этих рассказах отражается неразрывная связь человека с природной средой, адаптированность социума к суровым условиям Заполярья.

№ 27. Из рассказа-воспоминания жителя Колы Иевлева о землетрясении в Коле (запись А.П. Попова)

1938

Мне тогда было лет девять¹. Должно быть это было в августе. Часов около 11 стояли мы с ребятами около дома Жеребцовых. Вдруг мы почувствовали колебание почвы. Стояли мы как на волне. Но это было недолго. От колебаний потрескались в окнах стекла и собор дал трещины.

*Мурманской областной краеведческий музей.
НВ 5187/1-15. Л.50.*

¹ Точную дату землетрясения можно установить по году рождения информанта. Однако собиратель не указал его инициалов. В 1938 г. самым старшим представителем данной семьи являлся Петр Филаретович Иевлев, родившийся в 1874 г. Следовательно, землетрясение должно было, по его словам, произойти около 1883 г. См.: Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас.– Мурманск, 2010. Ч.II: Схемы. С. 62. *Примеч. составителя.*

28. Из рассказа-воспоминания жителя Колы М. Аболяева о наводнении в Коле в последней четверти XIX века (автор записи неизвестен)

В 1877 или 1878 г. между 12–15 июля, будучи 12-летним мальчишкой, ехал с моря на шняке с отцом, заметили гроб, затем второй, третий и т.д. Отец мой, и я стали на колени, и стали креститься. По приезду в Колу выяснилось, что вода в р. Коле поднялась, прорвала себе новое русло (где сейчас течет), смыло землю с так называемой корчи и унесено в море до 200 гробов с покойниками.

*Мурманской областной краеведческий музей.
НВ 5187/1-15. Л.31.*

№ 29. Из рассказа-воспоминания жителя Колы П. Иевлева о наводнении в Коле в 1917 году (автор записи неизвестен)

В 1917 г. была высокая вода в р. Коле, вода дошла до дома Петровой Прасковьи. Находящийся крест деревянный и часовня были привязаны веревками к ближайшим домам, дабы их не унесло.

*Мурманской областной краеведческий музей.
НВ 5187/1-15. Л.31.*

№ 30. Из рассказа-воспоминания жителя Колы В.С. Лопинцева о старом русле реки Колы (запись П.В. Федорова)

2012

«...» Воду брали с реки Колы... А река Кола шла так тогда... Вот это русло Колы... Река ведь не здесь шла... Река шла вот так... Вот она под мостом... Мост построили деревянный... У меня даже где-то есть фотография. Он проглядывается с Каменного острова. Так вот Кола шла вот так... Вот это место называется Майское русло... Теперь там ничего нет. Засыпано... Называлось Майским потому, что вода круглый год идет по этому руслу, а в май, когда разлив весенний, половодье, вода шла... пока разлив... она шла вот сюда... и название ему Майское...

Вот здесь [при слиянии Колы и Туломы] была Измайловская корга. Эта территория сейчас вся засыпана... И я иду когда, я вспоминаю, Измайловская корга... Она появлялась только на отливе. На полной воде ее нет. Небольшие воды, приливы... то она под водой... Мы знали, что тут надо было ехать... русло в сторону Мурманска... А в сторону Туломы, когда ехали, туда, вверх, в Мурманши... то мы выезжали у Измайловской корги с этого пролива и сюда... Надо было знать... Если ты проморгал, снесет течением к Елову «...»

Архив кафедры истории МГТУ

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Ознакомьтесь с рассказом-воспоминанием о землетрясении в Коле (№ 27). Сравните с тем, что написано о сейсмических процессах на Кольском Севере в книге А.А. Киселева и А.В. Шевченко «Мурманская область: география и история освоения» (раздел «Землетрясения»).
2. На основе анализа вышеприведенных рассказов-воспоминаний (№ 27-30) обоснуйте, было ли местное население адаптировано к местным природным условиям?

3. ТРАДИЦИИ, БЫТ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Потенциал устной истории для изучения повседневной жизни, традиций и быта местного населения заметно превосходит письменные источники. Очевидец способен рассказать о таких особенностях и деталях, которые никогда не найти в документальных свидетельствах архивов. Вместе с тем память – инструмент очень хрупкий. Нередко с устной информацией в распоряжение исследователя попадают ошибочные или неточные сведения. Объективная картина, как правило, открывается в процессе критического анализа источника, а также при сравнении источников, как устных, так и письменных, между собой.

№ 31. Из рассказа-воспоминания жителя Колы Ф. Сулова о кольской торговле в XIX – начале XX века (запись А.П. Попова)

1938

Торговлю в Коле вели богачи-купцы Хипагины, Хохловы, Шабунины, норвег Сканки¹.

Кринка молока стоила 4 коп.,
оленина – 2 р. пуд,
треска – 1,5 р. пуд,
семга – 5 р. пуд,
сахар – 10 коп. фунт норвежский,
масло – 40 коп. фунт,
ботинки стоили 3 рубля.

В залив иногда заходили киты и обсыхали. Ловили палтусов пудов по 15-20.

*Мурманской областной краеведческий музей.
НВ 5187/1-15. Л.58.*

¹ Правильно Сканке. Примеч. составителя.

№ 32. Из рассказа-воспоминания жителя Колы Ивлева о ведении местной летописи священником А. Поповым в последней четверти XIX века (запись А.П. Попова)

1938

Местный священник Александр Попов¹ 50–60 лет тому назад вел дневник, в котором записывал все, что только узнавал о Коле. Формат дневника – гербовый лист. Толщина 6–7 см. Я тогда только что окончил школу, и мне приходилось много переписывать в тот дневник с черновиков. Помню, писал о торговле Колы с Англией, о том, как везли из Англии соль и зерно. Корабли останавливались в Киев-Вараке, где и разгружались. Из Киев-Вараки до Колы везли на мелкой посуде.

Еще писал о том, кто и чем торговал в Коле.

Дневник этот был после у внука Александра – А. Попова.

*Мурманской областной краеведческий музей.
НВ 5187/1-15. Л.59об.-60.*

№ 33. Из рассказа-воспоминания кольской семьи Ивлевых о посещении Колы великим князем Владимиром (запись А.П. Попова)

1938

В 1885 г. Владимир² приехал на трех крейсерах: «Слава», «Цесаревич» и «Полтава». Остановись против теперешнего «Зеленого Мыса». Оттуда он приехал на катере. Специально для него была построена пристань. Всем было приказано одеться в лучшие платья. По дороге было разостлано красное полотно. Для встречи были согнаны окрестные лопари. Женщинам и девушкам было приказано вести хоровод и петь песни. Пели про Кутузова, «Как во городе было» и много других. Владимир говорил, что «Сколько народу прошел, а такого нарядного и снисходительного не видел».

*Мурманской областной краеведческий музей.
НВ 5187/1-15. Л.50-50об.*

¹ Попов Александр Иннокентьевич (1827–1911) – представитель духовенства, в 1884-1902 гг. настоятель Благовещенского собора Колы. См.: Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. – Мурманск, 2010. Ч.1: Словарь. С.147-148. *Примеч. составителя.*

² Владимир Александрович Романов (1847-1909) – великий князь, сын Александра II. В 1885 г. посетил Мурман. *Примеч. составителя.*

№ 34. Из рассказа-воспоминания жителя Колы В.С. Лопинцева о традициях гостеприимства колян в 1930-50-е гг. (запись П.В. Федорова)

2012

«...» Коляне встречали всех гостеприимно, хлебосольно... Народ был веселый «...» Пирогі пекли. У нас отлично мама... ой, как напекут пироги... запах идет по всему дому... Бабушка Дуня Лопинцева... у нее все время... русская печь... и каждый день у нее шаньги... Вот такая стопа шанег свежих... запах идет оттуда... И кофе очень любили в Коле. Дедушка мой Петр Филаретович выписывал этот кофе, сам его жарил... Очень хлебосольно... пирогами Кола славилась... Рыбные пироги, всякие... С палтусом закрытый пирог...

Архив кафедры истории МГТУ

№ 35. Из рассказа-воспоминания жителя Колы А.С. Сверлова о музыкальных традициях в Коле в 1930-50-е гг. (запись А.А. Малашенкова)

2012

У отца там и гармошки были. У нас было в Коле, наверное, если не... может быть... это самое... граммофон был... Вот... Я помню на Советском... это самое... пацаном... я же самый старший был. Выставлю когда погода хорошая, двухстворчатое окно открываю (показывает на окно), на подоконник ставлю... этот самый... граммофон, трубу на улицу... Это вот... там же труба такая вот... Заводишь, помню, и там «Воробьевские горы» мне нравились... песня... И... это самое... на весь Советский проспект (смеется) музыка разливалась.

Архив кафедры истории МГТУ

№ 36. Из рассказа-воспоминания Ф.П. Чапоровой о жизни в селе Большая Западная Лица в 1930-е гг. (запись, литературная обработка и публикация А. Степаненко)

1999-2001

Мы переехали в Большую Западную Лицу¹ первыми, наверное, в 1932-1933 годах. Там было удобнее ловить рыбу и вести колхозное хозяйство.

Помню, как строили временный дом (привезли от озера). А уже че-

¹ Большая Западная Лица – колония, затем село на Западном Мурмане, при впадении реки Западная Лица в Мотовский залив Баренцева моря. В 1930 г. здесь был организован рыболовецкий колхоз «Коминтерн». См.: Географический словарь Кольского полуострова. – Л., 1939. Т. I. С. 58. *Примеч. составителя.*

рез год поставили большой дом, перевезённый из Зимней Мотовки. Строили сообща. Из зимнего погоста сразу переехали 8 семей: три семьи Чапоровых, Стакановы, Семякины, Агеевы, Федотовы, Гавриловы (бабушка Кристина).

В Большой Западной Лице в это время уже жили финны Вяйзянен и кильдинский саам Дмитриев. Домов в Большой Западной Лице было около 15: Александра Регины, его бабушки, Эммы, наш, дяди Пети, бабушки Кристины, дяди Вани, Семякиных, Ялмари Вяйзянена, его брата Акселя, бабушки Евдокии, Федотовых, Агеевых, Стакановых, ещё Агеевых. А напротив бабушки Кристины, на той стороне реки, жила ещё одна финская семья. И в каждом доме – по 6–7 детей. А у дяди Пети было 8 детей, у дяди Вани тоже.

В Западной Лице баня была общая (топилась по-белому). Были дни мужские и женские. Своя баня была только у финнов (топилась по-чёрному).

В Мотовском заливе ловили треску, палтус. А в реке Западная Лица ловили сёмгу. Сдавали улов в Лопаткино (рядом с Малой Лицей). Там были рыбная фактория и магазин. Сдавали рыбу, а в обмен получали различные продукты. Морскую рыбу в основном ловили для себя. Рыбу делили между всеми. Если помогали дети, то им тоже давали пай. Дети помогали всюду: заготавливали на зиму дрова и ягель, наживляли ярусы (для рыбной ловли).

В Западной Лице у всех были коровы. У нас было три и около 30 овец.

А сколько рыбы! Сёмгу принесёшь – ешь сколько хочешь. А сколько молока получали! А какие сыры делали! Брали желудок телёнка, обрабатывали. Потом наливали туда три ложечки воды и молоко. Оно свёртывалось сразу. Из ведра молока получалась хорошая лепёшка сыра. Вкуснятина необыкновенная!

Где брали сено? Косили. Его столько было, что всегда оставалось на осень. Там, где теперь Долина Славы, ягель заготавливали. Запарят его, рыбы и грибов добавляют – пошло получалось отличное. Грибы на всю зиму в бочках-трещанках солили. Одни красноголовики. Волнушки не солили, пока к учителю не приехала мать. Она берёт волнушки, а мы говорим, что это поганки. А она отвечает нам: «Это самые вкусные грибы. Приходите, я вас угощу».

Выращивать овощи на огороде научили нас финские агрономы из Каккари. Дали семян картошки, репы, турнепса и объяснили, как и что сажать и пропалывать. Одним словом, учили нас огородному делу. Конечно, первый урожай был никудышный. Ведь раньше в Мотовском погосте никто огородами не занимался: рыбы, мяса, ягод и грибов было вдвоём.

Однажды в воскресенье, мне было лет 10, мы захотели помочь отцу напилить дров, но бабушка сказала: «Не смейте: в воскресенье грех пилить».

Мы не послушались, положили на «козёл» бревно. Полина его держа-

ла, а я и двоюродный брат Петя начали пилить. Не успели сделать и пару надпилов (два среза), как пила вроехалась по моей руке, сильно её порезав. Кровь лилась ручьём без остановки. Бабушка, конечно, меня отругала: «Я тебе говорила, что в воскресенье грех пилить», после чего взяла мою руку, что-то пошептала. И кровь тут же остановилась. Руку забинтовала, меня уложила спать. Когда было очень больно, бабушка прикладывала мокрицу и подорожник. Сразу становилось легче. Жалко, что мы не переняли ни одного заговора от болезней, не знаем трав, которыми пользовались наши старики для лечения. Мы считали себя юными пионерами, а пионеры не нуждались в старинных методах лечения. Когда в 1935 году хоронили бабушку Дусю, все вместе пели песню «Мы жертвою пали в борьбе роковой». Ходили в красных галстуках. Хотели стать «строителями новой жизни».

Училась в финской школе в становище Каккари. Это в 10–15 километрах от Западной Лицы. Жили на квартире у финнов. Хозяева были очень хорошие, относились к нам хорошо, как к своим детям. Звали их тётя Ада, бабушка Варвара, дядя Филимон. Когда я не могла ходить (заболели ноги), ребята возили меня в школу на санках. Однажды я побежала вприпрыжку. Бабушка увидела, но мне ничего не сказала. Назавтра ребята пришли с санками, а она им и говорит: «Пусть идёт сама». Я пошла и от них не отставала. Дошла до школы, отсидела все уроки. А после уроков ребята ушли, а я сижу и плачу. Не могу идти. Учитель на лошадке отвёз меня к бабке. Потом папа приехал на оленях и забрал домой. А вылечила меня собака лайка. Всё лизала мои ноги. Осталась одна болячка.

Проучилась я в финской школе три класса, а четвёртый не закончила. Сильно заболели ноги, вообще не могла ходить. А когда в Большой Западной Лице из зимнемотовской часовни сделали школу, мы стали учиться дома. Обучали нас на русском языке. И снова я пошла в первый класс. Учительницу звали Прасковья Дмитриевна (она у нас дома жила). Нина, её дочка, была моей ровесницей. Гуляли с ней вместе и разговаривали. В 13 лет я стала говорить на русском языке. Спасибо учительнице Прасковье Дмитриевне и её дочери. Два года учили. Так я и освоила три языка: саамский, финский и русский.

Помню, как финны играли с нами в «пять камешков». Вот правила игры: надо взять 5 камешков. Один – в руке, остальные раскидывали по полу. Камешек, который был в руке, подбрасывали, а пока он находился в воздухе, надо было собрать камешки, лежащие на полу.

Мама рассказывала, что дедушка Илья был среднего роста, коренастый и очень сильный. Был купцом, торговал с Архангельской губернией, с Норвегией и Финляндией. Сестра Полина рассказывала, что в 1944 году бабушка Кристина (перед смертью) дала ей золотые часы деда Ильи. На них было написано «Купцу Илье Васильевичу Гаврилову».

Баба Кристина была молчаливая и прижимистая. Придѣшь, бывало, к ней в гости (это в 3–4 километрах от нашего дома). Она согреет чай, наколет

сахар мелкими кусочками. Кусочек возьмёшь, второй брать вроде бы и неудобно. А она никогда не предложит. Баба Дуся (Евдокия) была совершенно другая. Она у нас жила, пока не был построен её дом. Жалела она меня, если мать поругает или побьёт. А операцию за ухом делала мне баба Кристина. Я была тогда ещё грудная. Трое старших детей умерли на одной неделе (болели дифтерией), я была на очереди с большой шишкой за ухом. Бабушка её ножом разрешила, гной выпустила, всё вычистила и говорит: «Если умрёт, то и не жалко». Ведь не стало таких помощников по 15-19 лет было старшим братьям и сестрам. А я возьми да и выживи. На зло врагам!

Отец у нас был очень добрый. Он никогда никого не ругал, душевный был человек, очень любил детей. Любил что-нибудь мастерить, чертить. К маме относился хорошо. Я очень любила с отцом ходить на сенокос. Он впереди идёт и пятками по мокрой траве «вжик-вжик». И я тоже стараюсь так ходить, чтобы красиво звучало.

Наш папа принимал роды не только у мамы, но и у чужих женщин. Как-то врач шёл на роды и замёрз в лесу (пурга была сильная). Вот отцу и пришлось помогать. Родились двойнята. Он даже умел перевернуть младенца, если тот неправильно лежал. Вот какой был молодец! Наши матери, как сейчас, неделями не лежали после родов. Встали, встряхнулись и пошли дальше работать.

Родители нас учили всему. Шить, вязать, пряхть. Мама сама хорошо вышивала бисером.

Из оленьих шкур одежду и обувь шила – печок, малицу, каньги, пимы, тоборки. Пойдёшь, бывало, к проруби по воду. С горки летишь на тоборках вниз, только вёдра гремят, только снег столбом.

Верхняя тёплая одежда у нас – это малица и печок (песк), а сверху надета защитная суконная рубашка. К печку пришиты варежки. Из сукна мама шила мацак (осенняя рабочая рубашка с капюшоном), из шерсти вязала свитера, рейтузы, носки, варежки.

В колхозе бисера уже не было. Зато была у нас прекрасная ножная швейная машинка «Зингер». Помню, Полина и сейчас маленького роста, а тогда была совсем кроха. Так вот, стоит она за машинкой, качает педаль ногой, платье себе шьёт, а самой и не видно, только макушка виднеется.

Учили нас в лесу охотиться, силки ставить: куропаток и зайцев ловить. Пошёл как-то на охоту дядя Семён (муж тёти Ксеньи). Нашёл в берлоге спящую медведицу с медвежатами. Позвал дочь Клаву, дал ей ружьё, а сам взял дубину и давай будить зверя. Когда медведица поднялась и пошла на дядю Семёна, Клава выстрелила... А медвежат принесли домой. Они подросли и такие стали балованные. На крышу заберутся – разбирают трубу. В огород залезут – всё повывывают. Ужас! Потом их сдали в зоопарк, а на вырученные деньги Клаве купили баян.

Ещё отец приучал к стаду, к работе пастуха. Я ездила с ним в тундру пасти оленей. Летом олени паслись сами. А осенью пастухи начинали их

собирать. Собирали оленей собаками. Отправит отец собак в тундру, чтобы оленей пригнали, а сам костёр разведёт, чай пьёт. Для подсчёта оленей собирали в корале. А забой на Западной Лице вели в устье реки (там бабушка Кристина жила), рядом с кладбищем. Помню, в 1936 году был забой, меня оставили сторожить. Все ушли и собак с собой взяли. Я осталась одна. Страшно! Ну-ка на кладбище посиди. И оленей туши лежат, и покойники...

Осенью 1939 года, перед самой финской войной, работали у нас в Большой Западной Лице пограничники-топографисты. Как-то вечером слышим, что на той стороне реки кричат, просят переправить (тогда моста ещё не было). В домах сразу погас свет. Все закрылись, только собаки лают. Мы с Мотей (нашей библиотекаршей) взяли небольшую лодку и поплыли на ту сторону. Темно, страшно. Гребём и гадаем: убьют, не убьют. А сами плывём. Перевезли двоих, а они уже на большой колхозной лодке переправили остальных. Около двадцати военных (рядовые и офицеры) месяц работали в нашей деревне. Карту какую-то чертили. Помню, у одного сержанта была фамилия Неживой, он жил у нас дома. Когда он сказал по телефону, что докладывает сержант Неживой, мы, дурочки, засмеялись: «Неживой, а говорит». Он рассердился. Снова мы с ним встретились уже в Титовке в 100 погранотряде в 1941 году.

Перед войной ездили вместе с мамой на оленьих упряжках – грузы возили на заставу. У неё райда, у меня райда. Вот тогда я зубы и сломала. Добрались до пограничников, мне и говорят: «Растопи в землянке печку, вскипяти чай, там и переночуете». Я пошла, а в землянке темно. Шагнула и... полетела вниз, «поцеловала» печку. Крепкая печка оказалась.

Когда в 1940 году нас везли под конвоем (с нами не разговаривали), мы предупреждали пограничников, чтобы нас в тундре не оставили.

Дело в том, что стелили мы постель там, где в снегу олени выкопают яму. Туда и ложились спать. Поставим хорей, чтобы утром нас разбудили. А если вдруг сильно занесёт снегом могли откопать. Боялись, что не заметят, оставят, а потом скажут, мол, сбежали ночью. Из Западной Лицы в Ристикент ехали около недели. Ехали на оленьих упряжках вместе со всем колхозным стадом. Правда, по весне олени оттуда сбежали на полуостров Рыбачий. Откуда родом, туда и вернулись. Ведь скотина в чужом месте не живёт. Так и мы, словно олени, по весне тоже сбежали из Туломы (там я работала на ферме дояркой).

В то время наша мама была в Титовке, жила у двоюродной сестры Дуси Деревневской. К ним я и уехала, за мной – старшая сестра Анфиса, за ней – Поля. Все собрались в Титовке. Жили у тех, кто пустит.

По дороге из Туломы в Титовку я заезжала в Большую Западную Лицу. А там уже не было ни одного дома, всё разобрали и увезли. Мама сказала, что стадо коров угнали в Мурманск.

В Титовке я устроилась у пограничников прачкой. Надо было чем-то и как-то жить. Мать нигде не работала, лишь время от времени то картош-

ку в воинской части переберёт, то ещё что-нибудь. В Титовский колхоз мама не пошла – не с чем было идти.

Перед войной нашу часть отправили на Дальний Восток. Пограничники хотели меня взять с собой. Повезли в Мурманск оформлять документы. А НКВД отказало. Нет, и всё. Тут-то я вроде была под надзором, а на Дальнем Востоке кто меня знает, кто я есть? И не пустили. Я переехала в Озерки, там меня и застала война.

Степаненко А. Расстрелянная семья (исторические очерки о кольских саамах). – Мурманск, 2002. С.11-17.

№ 37. Из рассказа-воспоминания жительницы Колы О.В. Обнорской о закрытии властями Благовещенской церкви в Коле в начале 1960-х гг. (запись Е.Р. Михайловой)

2012

И они ночью открыли храм наш Кольский, погрузили все, ночью притом, так у нас коляне были настолько удивлены этим, что именно ночью как-то по-воровски, что ли, или как-то. Вот не знаю, какое слово можно подобрать... Сняли все иконы, всю церковную утварь церкви, погрузили в машину. Машина такая была грузовая. И увезли. Куда? Чего? Неизвестно... Все. И после этого... стали в церкви... там же раньше были печи. Мама топила все печи в церкви, мыла там все. И вот печи сломали, там все сделали... батареи провели, паровое отопление и стали делать мастерские школьные. Я в школе училась как раз. Они внизу сделали столярные, слесарные цеха, поставили станки. Такие мощные станки, на которых можно было спокойно работать, как в каком-нибудь, ну в цехе. А на колокольные сделали пошивочный... ну цех. Не то, что пошивочный, а как вот... дети домоводство было. Дети шили. Там для девочек... ну помню, в общем, там шили ночные рубашки какие-то, еще чего-то. Там машинки ручные были. Это как школьные уроки были труда, понимаете. А внизу мы делали деревянные толкушки помню для этого самого... в церкви. Представляете, вот была церковь, храм был. Какая там была акустика. Я вообще не понимаю. Там когда вот дед пел, аж мурашки бегали по телу, я просто не могла даже... Акустика, у него такой голос сильный, мощный был. И вот после этого... сделали школьные мастерские, и мне надо было туда ходить. Понимаете, как я переступала этот порог. И там, где алтарь, сделали от алтаря... сделали холодный туалет в этом месте рядом с алтарем. Яму выкопали там... ну, холодный туалет для учеников. Именно, где алтарь. Рядом был похоронен священник Андрей Иннокентьевич Попов. Выкопали его могилу, останки

вот эти, куски парчи, всё валялись на территории. Мы же там рядом... Это был... Я еще была... школьницей... мне было лет 12, наверное.

Архив кафедры истории МГГУ

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. На основе вышеприведенных рассказов-воспоминаний (№ 31-37) проанализируйте, какими повседневными занятиями занимались жители Кольского Севера в первой половине XX века.
2. Сравните рассказ местной жительницы о посещении Колы великим князем Владимиром (№ 33) с воспоминаниями об этом визите К. Случевского в его книге «По Северу России» (том II, очерк «Кола»). Противоречат ли они друг другу или дополняют друг друга?
3. Проанализируйте устное воспоминание о закрытии Благовещенской церкви в Коле (№ 37). Предположите, с чем могла быть связана данная мера. О чем свидетельствует эмоциональный фон, который сопровождает рассказ информанта?

4. ССЫЛКА И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ НА КОЛЬСКИЙ СЕВЕР

Одной из плодотворных тем устной истории является образ «чужого». На территории Кольского Севера издавна находились ссыльные. В советское время трудовая миграция на территорию края приобрела небывалый размах: причем, наряду с принудительным трудом активно использовался и труд вольных мигрантов. В глазах местного населения особенности и свойства пришлых людей быстро подмечались и иногда принимали даже гипертрофированный вид: обрастали слухами и легендами (как в случае с рассказом о Л.И. Саноцком). Для полноты картины не менее важны оценки происходящего и с точки зрения самих мигрантов.

№ 38. Из рассказа-воспоминания жительницы Колы А. Базарной о кольском ссыльном Л.И. Саноцком (запись А.П. Попова)

1938

Был ссыльный Саноцкий Леонид Иванович. Раньше учился где-то в учебном заведении. Сын генерала. Отец умер, когда Леониду было 6 лет. Выслан за участие в убийстве кого-то из царской фамилии. Был приговорен к смертной казни, но, благодаря ходатайству матери, смертная казнь была заменена пожизненной ссылкой в Сибирь. Из Сибири скоро бежал. Пойман и вновь сослан в Колу. Его до самой смерти держали под строгим наблюдением. Жил невенчаный с некой Горячевской (по другим сведениям

ям с княжной Горчаковой). Чинил сапоги, и существовал на эти средства. Сейчас у него остался сын. Л. Санецкий умер в Коле¹.

*Мурманской областной краеведческий музей.
НВ 5187/1-15. Л.55об.-56.*

№ 39. Из рассказа-воспоминания жителя Колы Г.Р. Миккуева о пребывании ссыльных в Коле в царское время (запись А.П. Попова)

1938

На моей памяти был сослан Наумов, Атахонский, Морзаханов. За ними был установлен строгий надзор, даже беседовать с народом не разрешалось. Население было так запугано, что многие не решались пускать их в дом.

*Мурманской областной краеведческий музей.
НВ 5187/1-15. Л.53об.*

№ 40. Из рассказа-воспоминания жителя Колы В.С. Лопинцева о переселении в Колу «раскулаченных» крестьян в 1930-е гг. (запись П.В. Федорова)

2012

Против нас жили Петуховы... выходцы из переселенцев... раскулаченных... кто бежал с этих областей... Архангельской, Вологодской, Новгородской сюда... Много их было. На Поле² много их поселилось... Они все люди работяги, имели определенные специальности... Вот этот Петухов – напротив нас жил, он печник... Он клал печки всем... В рыбкоопе работал... Так вот много их переселенцев переселилось в Колу... очень много...

Архив кафедры истории МГТУ

¹ В действительности, согласно документам, Л.И. Санецкий был направлен на поселение в Колу за попытку хищения купеческих товаров. В Коле он женился на унтер-офицерской дочери А.М. Горячевской, которая, по-видимому, благодаря созвучию фамилии трансформировалась в памяти колян в «княгиню Горчакову». См.: Малащенко А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. – Мурманск, 2010. Ч.1: Словарь. С.154. *Примеч. составителя.*

² «Поле» – неофициальное название района Колы, расположенного в южной части города, на возвышенности. *Примеч. составителя.*

№ 41. Из рассказа-воспоминания бывшего ссыльного А.И. Иванова о ссылке на Кольский Север в 1930-е гг. (запись И.Я. Хищенко)

[1997]

Семья жила в д. Малая Тисва, Полавского района, Ложинского сельсовета Новгородской области. Было 6 детей. В хозяйстве имелось две коровы, две лошади, телок и несколько овец, был работник по найму. Это и послужило поводом для выселения на Север в 1930 г.

Из дома всех выселили в баню. Отец хотел ее затопить, закрыть вьюшку, двери и умертвить всех угарным газом. Посадили в холодные вагоны и повезли в неизвестном направлении. Привезли в п. Титан¹ (так сказали). Поселили всех в палатках, там были крысы. Палатки охранялись конвоирами. Свободы передвижения не было. Всем распоряжался комендант.

Строили улицу Хибиногорскую, водили туда на стройку. Затем жили в Старых Апатитах, на второй ферме. Строили. В 1936 г. перебросили всех в Мончегорск, строили соцгород. Жили уже в бараках. Я начал учиться в школе, пос. Тросники. Работали на лесоповале. Чтобы выехать, надо было получить паспорт, женщинам выйти замуж за «вольных». Сестры вышли замуж за «вольных» и имели паспорта.

Во время войны с эвакуацией комбината всех вывезли в Халиловский район (Урал) и определили в колхоз. Там жили казаки, но они не работали. Я уже был большой и тоже работал в колхозе. Жили здесь в отдельных домах. До 1943 г. на фронт не брали. Все было под контролем коменданта; он – главное лицо.

После войны сестрам разрешили выехать из Оренбуржья. Я остался с матерью и отцом в Халилово; в 1945 г. отец умер. У матери отобрали все. Я определился в ПТО, в 1947 г. уже его заканчивал, гулял по рынку, где меня увидел комендант и вернул в колхоз, могли судить, но я уехал в Новотроицк и устроился работать.

Документы – справка на 3 месяца, потом на 6 месяцев и только в 1953 г. дали паспорт на 1 год. Да, в Титан приезжал мой дядя, брат отца, он привозил продукты. Дядя работал в МВД на Новгородщине и предупреждал отца все продать.

В 1951 г. мне было уже 23 года, зять прислал вызов из Хибиногорска на рудник, устроил меня в горноспасательную службу. Учился и закончил Кировский техникум. Уехал в отпуск и в 1953 году женился на Елене Федоровне.

¹ Титан – в 1930-е гг. поселок рабочих и служащих транспорта и совхоза «Индустрия» близ Кировска. *Примеч. составителя.*

Вернулись на Кировский рудник и работал на нем до пенсии. Мать пенсии не получала; никаких справок о том, что выселяли не давал никто, так и умерла.

Спецпереселенцы в Хибинах. Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний). – Апатиты, 1997. С.100-101.

№ 42. Из рассказа-воспоминания бывшего заключенного Е.В. Новосельцева о пребывании в Туломском лагере заключенных в 1930-е гг. (запись А. Матвеева)

[1997]

Да, работал я на шлюзе, в 5-м Тунгудском отделении ББК¹, 29 человек нас команда была заключенных. Раз смотрим, пароходы идут, первым «Карл Маркс», на колесах еще, а за ним катер «Чекист». Швартуются они, мы трап подаем. И выходят, первым начальник Михайлов, затем Киров, Ворошилов, кто еще? Да, Ягода, Сталин и Полина Жемчужина, нарком рыбного хозяйства. А Полина Жемчужина сойти боится, ступит на трап, а он прогибается, она женщина большая была, так мы второй трап подкладывали специально для нее.

Посмотрел на нас Киров, в чем мы одеты неподходящем таком, и велел всем заключенным морскую форму выдать. А потом мы загружали их пароход, много всяких ящиков с едой перетаскали на себе, таскали-таскали, а потом надумали, взяли один ящик да как будто нечаянно и уронили в воду. А дело-то было в шлюзе. «Сталинский» пароход ушел, мы воду спустили и ящик достали, он с салом оказался, так мы «у Сталина сало украли».

Вызвали меня в третий отдел, часть. Ну, где еще пальцы снимают. Говорит начальник: «Мы решили отправить тебя в Тулому², на Север. Поедешь?» А какой с меня может быть ответ? Поеду. Привезли под конвоем до поезда, посадили. Как был в бушлате и штанах лагерных. В поезде ехал без конвоя, на руки мне бумагу дали, что я заключенный, еду в лагерь. И не думал о том, чтобы сбежать.

Прибыл на станцию Кола вечером. Темно было. Куда идти, неизвестно.

Пошел к дежурному по станции. И он показал мне дорогу. Пошел по ней, вижу впереди еще один человек шагает. Оказалось, тоже заключенный, идет в лагерь. Мы пошли вместе. Его звали Верещагин Николай.

Первые две недели работал на общих – бурильщиком. Бурили вручную. Вдвоем. Один бур держит, проворачивает, второй бьет кувалдой. Потом меняем. Тяжелая работа очень. Норма в карантине была вначале

¹ ББК – строительство Беломорско-Балтийского канала. *Примеч. составителя.*

² Имеется в виду строительство Нижне-Туломской ГЭС под Мурманском. *Примеч. составителя.*

0.5 метра, а так три метра на человека. Кто норму не выполнял – штрафная пайка, 300 грамм хлеба. А выполнишь или нет, это как повезет. В щель в скале попадешь, так быстро. Машин на строительстве не было, два бура заграничных больше стояли. Тачки, грабарки да носилки – вся механизация.

В отделении было четыре лагпункта. 4-й в Коле, самый легкий, как бы карантинный. Один на острове. В Мурмашах, кажется, 1-й лагпункт. Начальник Сиротов, ромбы носил. Иевлев, его заместитель. При каждом лагпункте была своя санчасть, из заключенных, конечно (на тот свет только вылечить могли), своя пекарня со столовой. В каждом лагпункте десять жилых бараков, а то и больше. А сколько человек в каждом, сказать не могу. Может, пятьсот или больше. Как сельдей в бочке, так сказать.

Заключенные в лагпункте делились на «колонны», «колонны» – на бригады. В «колонне» связистов было сто человек. Работали по двенадцать часов. Утром в 5–6 часов подъем, завтрак, развод. И в семь часов должны уже работать. Еда была так себе, неплохая. На первое – ерунда какая-то, «болтушка», на второе крупа. Отварная. Во время работы перерыва на обед не было.

Умирали ли люди? Ну, конечно. Вот перед тем, как вести на работу, конвой говорит: «Шаг влево, шаг вправо – считается побег, конвой применяет оружие самостоятельно». А там дорога, знаете, какая? Ямы, камни. Кто-то один споткнулся и вся колонна запнулась. Человек выпал из колонны, его и застрелили.

Еще бурильщики часто гибли. Попадет буром в невзорвавшийся пиропатрон – и все. Линию связи тянули на Абрам-мыс – гибли: то деревом придавит, то утонет. По Туломе, по первому льду сани с эсками под лед провалились. Умирали, что вы! При обвале на водосборе погибло очень много. Летом то ли 35-го, то ли 36-го, не помню точно.

Как получилось? Ночная смена взрывы произвела, а дневная на работу заступила. Ну, как всегда. И стена канала обвалилась. Метров больше ста. Точно больше. Всех, кто работал, скалой и завалило. Людей, лошадей с телегами. Кровь из под камней текла. Васька Козлов погиб. И другие. Много сотен. Три дня вытаскивали, иногда даже живых, покалеченных. Сактировали инвалидов некоторых. Комиссия из Москвы приезжала разбираться.

Хоронили так: заворачивали в мешок. Кладбище было около Кротова ручья. А где еще, не помню. Хоронить возили на грабарке от санчасти. По дороге, теперь в совхоз «Тулома», виден большой котлован. Там ШИ-30 было. Очень большой дом. Считалось гиблое место. На Падуне командировка была, лес заготавливали человек сто. Женская зона отдельно была. «Железная колонна» называли ее. Всякие там были. Работали в основном на обслуге. Мусульман раз этап пришел большой. Басмачи, контрабандисты. Все молились на Солнце, что оно не заходит. Саид-Мурад был здоровый контрабандист, любую тяжесть поднимал. Ему все срок добавляли, по

окончании стройки на другой канал отправили. После пуска ГЭС эшелоны отправляли на канал во множестве.

Спецпереселенцы в Хибинах. Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний). – Апатиты, 1997. С.163-164.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Проанализируйте рассказ-воспоминание о ссыльном Л.И. Саноцком (№ 38). Как вы думаете, почему недостоверные слухи об этом человеке превращали историю его жизни в легенду?
2. Сравните устные воспоминания о положении ссыльных в царское время (№ 38, 39) с документальными свидетельствами, отраженными в книге И.Ф. Ушакова и С.Н. Дащинского «Кола» (раздел «Место ссылки»).
3. Сравните между собой устные воспоминания местных жителей о ссыльных царского и советского времени (№ 39 и 40). В чем вы видите различия? Чем эти различия можно объяснить?
4. На основе устных воспоминаний (№ 41 и 42) сравните мироощущение спецпереселенца и заключенного.

5. МУРМАНСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1920 ГОДА

21 февраля 1920 г., еще до того, как в Мурманск вошли передовые части Красной Армии, в результате вооруженного восстания, организованного местными подпольщиками во главе с И.И. Александровым (Орловым), в городе произошел переворот: пала власть белой администрации Мурманского края. Гражданская война на северной окраине страны подходила к своему финалу. Вскоре Кольский Север воссоединился с РСФСР.

Спустя 14-15 лет после произошедшего события сотрудники мурманской Истпарткомиссии провели беседы с участниками восстания, которые были записаны. В публикуемых ниже стенограммах этих бесед содержатся мельчайшие подробности подготовки и хода восстания.

№ 43. Стенограмма беседы представителя Истпарткомиссии Е.А. Двина с участниками переворота И.И. Афанасьевым, И.С. Лыковым и В.Г. Ольштинским

8 декабря 1934 г.

АФАНАСЬЕВ. Я находился в то время в роте службы связи. Связь с Горелой¹ между нами была, но чтобы был организован какой-то кружок, этого нельзя сказать, просто ребята приходят и говорят, наблюдают, слы-

¹ На Горелой горе находилась радиостанция. *Примеч. составителя.*

шат о движении войск, что на Архангельск делается наступление. Были всё-таки немного в курсе дела.

20-го вечером было маленькое совещание. Там Меренюк, Дмитриев Костя был из Ростова на Дону, Морев (сейчас работает в Ленинграде) и ещё кто-то. Присутствовало человек пять.

Первым делом мы что постановили. Из Архангельска было радио: «Миноносец «Юрасовский» во что бы то ни стало вооружить, поставить с полным вооружением на бочку и связать с берегом». Это было приказание начальника службы связи. Мы знали, что миноносец готовится. Накануне Морев и Меренюк имели связь с Радченко и Орловым. Те говорят, что завтра, дескать, что-то нужно сделать. Стамило был содержателем¹. Тот говорит, что мы обезоружены, ничего нет. Дмитриев, Морев, я, Меренюк свои револьверы дали, штук шесть набрали. А кто возьмётся их перенести? Взялся перенести Морев. Подпоясался и унёс. Как сдал это – не знаю, но, в общем, всё передал.

21 февраля я только с дежурства из управления пришёл, сели пообедать, отобедали, около двух часов Макавеев прибежал, говорит: «Вооружайтесь, нужно выходить, переворот». Винтовки у нас были почти на каждом. У меня с маяка японская винтовка, карабин французский и револьвер кольт. Я Косте Дмитриеву дал французский карабин, сам взял японку, и пошли. У меня было сто патронов. Собрались, где клуб НКВД², где хлебопекарня, около столовой. Тут явился Орлов, руководитель, с комендантской командой вышел. Часть была ранее освобождённых, они в комендантской команде служили.

ДВИНИН. Каким образом освобождённые?

АФАНАСЬЕВ. До этого или впоследствии, караул местный несли. У них то же самое, на караул идут – в винтовке два-три патрона.

Топчемся на месте. Пока собрались, хватъ – нет пулеметной команды, куда она пошла – никто не знает, и Орлов не знает. Что делать? Давайте идти по складам. Там, где барачки-чемоданчики, где ТЭЦ сейчас – по этому оврагу мы стояли. Проморгали, нас уже порядочная кучка. Приходим туда, у складов датчане стоят, но, верно, сопротивления никакого. Вошли, склады вскрыли, забрали пулеметы, на лошадей поставили...

ДВИНИН. Вы проходили этой дорогой?

АФАНАСЬЕВ. Милицейский, 12 мы живем сейчас, тогда было 36, где сейчас первое хирургическое отделение – мы в этом бараче жили. Мы шли около клуба ГПУ, пошли по ул. Шмидта и т.д.

ДВИНИН. А около почты вы были?

АФАНАСЬЕВ. Лошадей потребовали, поставили пулемёты на лошадей, потом все пошли по своим участкам. Один отряд отправили на «Ксе-

¹ Содержатель – должность на судне. *Примеч. составителя.*

² Имеется в виду место, где позже располагалось здание клуба НКВД (улица Милицейская, ныне – Дзержинского). *Примеч. составителя.*

нию», Морев пошёл туда, один (мы) по Варяжскому проспекту (Сталинская) и один по Ленинскому проспекту к Ермолову, где сейчас адм. милиция. Разделились на три партии и пошли, а в это время уже была слышна перестрелка. Есаул Соколовский помешался [там], где сейчас «Мурманрыба». Недавно дощатые, бревенчатые барачки [были] сломаны. Здесь было и ополчение, и штаб. Они отсюда шли.

Пулеметная команда ушла, вышла на Совдеповскую горку и произвела перестрелку с есаулом. Выяснилось, что они тоже знают.

ЛВИНИН. Там Палатников был?

АФАНАСЬЕВ. Не помню. Александров даже не знал, куда они пошли, за нас или против нас, но ушли, уже нет.

По Варяжскому проспекту мы дошли до службы связи, 10-го барака тогда, дома ГПУ (когда оттуда идешь – низкий барак это было наше управление связи), забегаем на центральную. Ни души, никого, ни начальства, никого, один только дежурный. Я дальше не пошёл, потому что так всё оставить всё-таки нельзя. Мишин у нас был, Свободин (моя дирекция): «Ну, что?» – «Николай Петрович, вы куда?» – «А что?» Я говорю: «Видишь? На, мою винтовку, бери, а я останусь здесь».

ЛВИНИН. А ты верил ему?

АФАНАСЬЕВ. Когда было какое-[нибудь] совещание, его никогда не принимали. Они пошли с ребятами дальше, а я остался здесь, звоню – на Горелую гору. Чернов там был радист и Попов. Вызываю Чернова и говорю: «Передавай, что переворот в нашу сторону». Там был Котуков начальник радиции, временно поставлен, и было два дежурных офицера поставлены. Радист работал так: «Принимай», – он стоит и сразу же пишет, – «передавай», – тоже. Он не отходил, а если уходит – ключ на замок, слушай, а уже передавать ничего не можешь. Я ему (Котукову) говорю, что, дескать, ты позови мне Чернова, отойди от телефона. Понимает, но не хочет. Берёт трубку и говорит: «Брось волынить, время, – говорит, – отошло, зови, кого просят». Тогда Чернов подошёл. В Мурманске переворот в поворотом в нашу сторону.

Отсюда наши пошли дальше. Слышал я, что «Ломоносов» был, потом удрал. Через некоторое время является наш начальник службы связи, побледневший, обеспокоенный. Заходит Евдокимов. Нельзя сказать, что хороший парень, молодой ещё. Я говорю: «А вы где были?» «Я, – говорит, – ходил за «Юрасовским», за шифром». Шифр был один. «Нужно телеграмму зашифровать». – «Какую?» Ещё Мессер был начальником Дирекции маяков, из Архангельска. Они почему-то с осени все перебрались [в Мурманск]. Там был Гонипровский – начальник радиции, бывший кондуктор, впоследствии был произведен в подпоручики. Телеграмма была такая: «Облить все бараки, зажечь, на катер, удрать». Эта телеграмма была дана в Иоканьгу из Мурманска, давал распоряжение Мессер. Зимовал он здесь всё время, потому что суда все здесь зимовали.

ЛВИНИН. Телеграмму передали?

АФАНАСЬЕВ. Телеграмма попасть туда, очевидно, не могла. Я с Костей Дмитриевым добегаю до управления, мы сразу забегаем к нему на квартиру. Жена, двое детей. «Где Мессер?» – «Он, – говорит, – в 10 часов ушёл на пристань, не возвращался». – «Врёшь». Обыск. Но какой обыск – в сундуках смотрели, мол, у них в ящике бомбы есть. Нет ничего. Ничего не нашли. Назавтра только принесла два нагана, сама принесла.

Ребята ходили до тёмной ночи. Тут перестрелка была.

Звонит через некоторое время Истомин из порта в службу связи: «Где Мессер?» Говорю: «Последняя весть, что на пристань уходил». Говорит расстроено: «Из-за него вся эта история получилась». (Истомин – старик). Но какая история – мы не договорились; дескать, из-за него вся история поднялась. Перед этим у них совещание было в порту, очевидно, он там присутствовал и, очевидно, у них было такое постановление, что нужно суда взять, а Мессер говорит: «Не сдаваться добровольно».

Вечером поздно ребята вернулись. У нас были патроны и винтовки в складах. Призываю кладовщика: «Давай». – «Начальника нет». – «А я приказываю, всё, что есть, выкатывать». Всё, кому что нужно, раздали. В это время как раз и приходит Евдокимов. Я его спрашиваю: «Где был?». – «У Юрасовского». – «Зачем?»

Яковлев был техником, впоследствии, кажется, был командиром порта здесь и, кажется, помощником [начальника] порта в Ленинграде. Он к нему зашёл и у него сидел. В ночь с 21-го на 22-ое сразу же я собрал собрание. Нужно что-то решить, оставим мы начальство на местах или нет. Нужно что-то сделать.

ЛВИНИН. Ночью 21-го?

АФАНАСЬЕВ. С 21-го на 22-ое вечером. Решили оставить на местах. Евдокимов и Свободин ребята были молодые. Доверяете им? Доверяем. Комитет избрали. С Горелого передают: «Темно, оружия нет, все разбежались, нужна охрана, и т.д.»

ЛВИНИН. А кто распоряжался?

АФАНАСЬЕВ. Офицерство. Где, дескать, эту охрану брать. Помню, у нас был Соболев, после меня он был немного комиссаром. Соболев пошёл, я пошёл на Горелую гору, человек 15 из комендантской команды нам дали. Буря. Ночевали там. С вечера арестовали офицеров, утром встали, забрали и привели сюда. Утром приходим оттуда, у нас уже Революционный комитет заседает в управлении службы связи. Как будто был Игнатьев из Промсоюза, потом Александров, Радченко. Я привёл, сдал. Котукова отпустили, а тех двух так и не видел. После пошло. Тут дня три ходили, пока что, а потом всё пошло своим чередом. Был Чумбаров-Лучинский. Нужно было обеспечить Горелую. Мы весь город мобилизовали: лошадей, топливо, дрова, продукты, керосин, бензин – всё это нужно было доставить в порядочном количестве. Работали тогда день и ночь непрерывно.

ДВИНИН. Вы помните, где собирались? Мне так рассказывали – собирались у штаба или у квартиры Ермолова. Как это было?

АФАНАСЬЕВ. Мы подходим к службе связи, а у него флаг уже спущен. Отряд, который пошёл по Ленинскому проспекту – пошёл к нему, но я слышал, что когда к нему пришли, то все вещи у него были собраны. В Печеньгу он собирался ехать на курорт.

ДВИНИН. Почему?

АФАНАСЬЕВ. Уже почувствовал. Вещи были связаны. Сопротивления как будто никакого не оказывал. Не один и не двое пришли, так он уже видел. А как его арестовывали – я уже не знаю.

Мы на три части разделились: по Варяжскому, по Ленинскому и на «Ксеню».

ДВИНИН. Чумбарова-Лучинского вы помните?

АФАНАСЬЕВ. Он с Ивановым приехал.

ДВИНИН. Какой он был из себя?

АФАНАСЬЕВ. Молодой парень, лет 22, не больше. Но зажигательно говорил.

ДВИНИН. Говорят, что он сильно говорил. А они просто говорил?

АФАНАСЬЕВ. Очень просто, всем понятно говорил. И он до того говорил, что, когда приехал, в горле хрипело, – ведь каждый вечер был митинг. Публика не входила, не помещалась.

ДВИНИН. Его любили тут?

АФАНАСЬЕВ. Да, очень, и он действительно зажигал в то время. В службу связи он пришёл к Евдокимову. Получилась маленькая задержка с радио, и он говорит: «Я приказал, и я с вами сделаю всё, что хочу, через 24 часа, если только не передадите это радио».

ДВИНИН. Он интеллигент или из рабочих?

АФАНАСЬЕВ. Из студентов, можно сказать. И по наречию. Действительно, человек образованный. Иванов – этот был более простой.

ДВИНИН. Чумбаров-Лучинский был комиссаром при Иванове?

АФАНАСЬЕВ. Нет, агентом РОСТА. Помню, что он давал все сведения в Печеньгу. Было тогда выражение такое, что, дескать, финн[ов] заставил замолчать красным огненным языком. Как будто, такое было выражение. Туда был послан отряд, и их разогнали. Это уже был послан отряд после переворота, около Печеньги.

[...]

АФАНАСЬЕВ. Не получали ли вы телеграмму за подписью Мессера, как я говорил, что, мол, [надо] облить керосином бараки, зажечь и удрать. Евдокимов говорил, что он пошёл за шифром.

ЛЫКОВ. Телеграмма была на имя Гонипровского, но почему-то оказалась у Судакова в их штабе. Это та телеграмма, про которую он говорит.

ДВИНИН. Значит, она была?

ЛЫКОВ. Была, и не у Гонипровского её нашли, а в делах.

ДВИНИН. Вы хотели говорить, что нашли в канцелярии.

ЛЫКОВ. Нашли, сколько людей списывалось. Там масса людей вывозилась просто для расстрела не на месте, а целые акты были о вывезенных на баржах.

ДВИНИН. А баржа там была?

ЛЫКОВ. Очевидно, в какие-то времена были такие пароходы, которые попутно возили в собой баржи. С чем они их тащили? На одной из барж около 27 товарищей было увезено, которые как будто пропали без вести. Очевидно, на них уже был акт на списание. На одном из пароходов были вывезены самые видные, самые деятельные лица; когда разбирали деловые бумаги – то же самое, расстреляны.

Характерный случай надо отметить из документов, когда в день именин Судакова был обстрел по бараку, стрельба по бараку в сонных людей.

ДВИНИН. А какой документ был?

ЛЫКОВ. Это было организовано под пьяную лавочку Судаковым. Документ был такого содержания, что обнаружен побег арестантов и произведена пулеметная стрельба по бараку для успокоения, где убито во время организованного побега около 11 человек. Какая-то крестьянская инспекция была, которая отмечает, что впредь до специальной комиссии не хоронить их.

Конвой рассказывает, как было поступлено с этими людьми, которые расстреляны. Люди спали в бараке. Нары там в несколько этажей. Пальба была из пулемета. Когда человек спит, то как можно попасть? Ясно, что вдоль туловища. Их не похоронили, но вытаскали в покойницкую, и они замерзли. Когда комиссия известила, что она выехала (конечно, её не было, она так и не приезжала, это только одни слова), он их стал приводить в христианский вид. А кто на этом работает? Те же арестанты. Может быть, действительно, была телеграмма. Он их распаривал в кипячёной воде, чтобы выправить, а то, как они были брошены бесчеловечно, так и замерзли. А разве мерзлый труп скоро распаришь, он сначала будет слизкий, потом уже его надо медленно отводить. Руку стал отводить, приводить в христианский вид, она и сломалась. Рассказывали ребята, участники похода – ломалось. Сделать же нужно быстро. Кипятком ошпарить, положить – разве он отойдет? Ведь мясо должно долго отходить. Так что поломанные все были. В это время был снег. Похоронили. Нельзя было обнаружить, а когда весна настала, картина изменилась. Пороховой погреб, который там был когда-то, был забит сплошь. Песок там был хороший. Сзади ниши в одну и в другую сторону коридоры были целиком натолканы. Сейчас – братская могила. Во все стороны были сделаны коридоры, чтобы набивать людей. Когда они заполнились, рядом с братской могилой нам пришлось прихоранивать. Ковальчук там организовал население, и человек 300 мы похоронили.

Просто снег. Щиты из фанеры для бараков сколочены, тонкие, щиты наложены. Где камень, где снег, но ведь летом всё это вытаяло. Как из покойницкой вывозили человека с согнутыми коленями, так на нём и лежит щит. Зловоние пошло, когда стало тепло. Когда с порохового погреба подует ветер, невозможно было на базе ходить. Там масса похоронена людей. Они набиты, и к весне эта масса загорела[сь]. В лунные ночи ребята ходили, и в образе человека видно, что горючий газ оттуда выходил. Ребята смеялась, что оттуда прямо покойники выскакивают, настолько спёртый воздух, я сам даже наблюдал. Просто там мог быть взрыв, если спичку чиркнуть. Но когда на луну смотришь, видишь, что ты и кольцо можешь выпустить и всё, что хочешь. Какое-то волнение происходит при горении – другой раз клубы больше выйдут, другой раз меньше. На луне это хорошо видно. Всё это начало гореть.

Перехоранивая, щиты сняли, выкопали могилы и похоронили невдалеке. Правда, они уже разложились. Застрелены. Некоторые в синяках – избиты, видать. Правда, не все, но масса, видно. Некоторые были в крови, другие были просто поставлены сидеть, видно, что оглушённые чем-нибудь и т.д.

ДВИНИН. А собрание, на котором выбирали, было спокойное, деловое?

ЛЫКОВ. Деловое.

ДВИНИН. Уже митинга никакого не было?

ЛЫКОВ. Нет, тут просто по-деловому подошли, выбрали комитет, и комитет этот избирался тоже с разрешения Архангельска. Он так и назывался – «временный». После Ковальчук был назначен комиссаром базы, а председателем Бечин.

ДВИНИН. А сколько народу было в живых, когда произошел переворот, сколько заключенных было в живых?

ЛЫКОВ. Точно не могу сказать, на двух пароходах ещё люди были отправлены и оставались ещё.

ДВИНИН. Человек 500-700?

ЛЫКОВ. Пожалуй, больше. Пожалуй, человек 1200, около того. Но много померло.

ДВИНИН. Когда послали последнюю партию?

ЛЫКОВ. Последняя партия выехала примерно не раньше, как [через] десять дней, если не 12, после переворота. Через 7 дней пришли только первые пароходы, это я хорошо помню. Думаю, что дней через 12.

ДВИНИН. Потом там никого не осталось из заключенных?

ЛЫКОВ. Нет, остались.

ДВИНИН. Они не захотели поехать в Мурманск?

ЛЫКОВ. Нет, базу тоже нельзя было оставить так, тем более, что база уже ликвидировалась, эту базу нужно было охранять – военное имущество. В ведении Ковальчука были оставлены люди. Вместе с ним они ещё раз-

гружали там военную базу, там была масса продуктов: мясо, масло, маргарин, обувь, одежда и т.д. Целые пароходы ходили разгружать туда, увозили в Архангельск, в Мурманск.

ДВИНИН. А крестиков когда вывозили?

ЛЫКОВ. Во вторую очередь.

ДВИНИН. Тоже вывезли всех?

ЛЫКОВ. Не всех, а тех, которым было не разрешено нигде ходить. Те, которые не были под конвоем, были оставлены под наблюдением комиссара Ковальчука для ликвидации этой базы. Осталась часть из арестованных, более сильных ребят. Они, конечно, занимали некоторые должности: зав. складом. Лошади ещё там были.

Я приехал из Иоканьги в Мурманск примерно уже в июне. Поставили старшим мотористом на радиостанцию. Когда прислали смену новых на радиостанцию, я выехал. Но это уже не интересно.

ОЛЬШТИНСКИЙ. Я мало могу сказать. Я тогда работал помощником механика, плавал на судах в торговом порту. Я хорошо знал товарищей, которые сидели в тюрьме, были арестованы. Был Сироткин, Неупокоев и Герасимов, раньше знал их и после. Немного подкачали ребята. Ещё до судов я работал помощником на электростанции. Салмин там был коммунист. Они засыпались в тюрьме, нелегально работали, и как раз под новый год 1920 г. они хотели сделать что-то вроде совещания и прямо засыпались. Их арестовали. Я только узнал, когда они уже были арестованы. Я был снят с электростанции, просто был уволен.

ДВИНИН. Из-за этого?

ОЛЬШТИНСКИЙ. Не в связи с этим, но уже был замешан. У меня было несколько обысков.

ДВИНИН. В общем, было подозрение?

ОЛЬШТИНСКИЙ. Да. Была некто Данилевич Вера Антоновна, она работала в контрразведке. Её брат был непосредственным моим начальником. [Барышня], как барышня – никто и не знал, что она этим занималась. Когда он узнал, то она несколько раз даже ко мне приходила: на кой черт дурачишься и т.д. Были обыски. Шупали и стены, искали оружие, но ничего не могли найти, потому что ничего особенного у меня вообще не хранилось. А почему было подозрение – я был председателем союза металлистов, и хранил знамя союза металлистов, и траурное знамя хранил на «Ксении» в тюрьме.

Мы дотянули до 2-х часов 21 февраля. Здесь был некто Александров (псевдоним Орлов). Он офицер, приехал специально сюда. Коммунист. Затем Поспелов – известный партизанский отряд был, он тесно был связан с александровцами.

Дело было так. Нам нужно было в порту обязательно забрать в свои руки миноносцы, а миноносцы стояли вроде в ремонте у «Ксении», у

транспорта (механический плавучий транспорт). Задание мы получили уже от Александрова 20-го вечером. Песочников у меня был машинистом, он был чрезвычайным комиссаром.

ДВИНИН. Он сейчас в Колпине находится, и адрес его известен.

ОЛЬШТИНСКИЙ. А как будто говорили, что он умер. Кузька Песочников.

ДВИНИН. Колпино, ул. Труда, д. 24.

ОЛЬШТИНСКИЙ. Он был у меня машинистом на судне. Он большевик. На «Голландии» он приехал. Он просил взять его на пароход, на который я поступил уже старшим механиком. Я взял его. Капитаном был Мульев Александр Павлович. Он сейчас где-то пьянствует. Тоже был крестик. Меня как механика заставляли обязательно поступать в крестики, но я говорил, что я от этого далёк, и ему говорили, что, мол, засыплешься. 19-го вечером капитан этот пришёл ко мне и говорит: «Как быть?» Он уже знал, что нужно готовиться. Я говорил: давай все свои гранаты, свои винтовки, наган – ко мне в каюту, и сам полезай и не вылезай. Он парень хороший, всё говорил, где что делается. Другой раз разругаешься и думаешь, что наверно Кузька выдаст. Иногда поругаемся чуть не до драки.

Вот когда он так мне сообщил, нужно было готовиться. Мне было дано задание обязательно пойти на «Ксению». Крестики уже выступили. На горе, где был Совдеп, место уже скрыто, где правление «Мурманрыбы» – уже теперь там свалка, яма. Горелая горка¹ – так называлось это место, потому что там сгорел Совдеп. Они уже были там где-то. Когда я вышел, это было примерно 1 ч. 30 м. дня, они начали уже пыхтеть, не давали никому ходить, начали постукивать (крестики). Мне так и не удалось пойти на «Ксению». Александрову удалось кое-как по телефону передать.

Был некто Васильев, столяр на «Ксении». Он был вроде председателем судового комитета и секретарем союза металлистов. Он первый схватил винтовки (кажется, достал у капитана), и это обезоружило «Юрасовский». Миноносец рядом стоял. Было положение такое: если «Юрасовский» даст выстрел, то всё готово, «Юрасовский» наш, Александров начинает наступать с военной базы. У него 300 или 400 человек были вооруженных, действительно, хорошо были подготовлены. Нужно было взять Горелую гору. Там была батарея.

ДВИНИН. Горка?

ОЛЬШТИНСКИЙ. Нет, радиостанция, и саму станцию.

«Ломоносов» – был такой пароход, на нём уже подготавливались к выезду датчане. Это уже последние отжитки белых, которые опирались на этих датчан, оставшихся здесь как вольнонаемные. Нам нужно было обяза-

¹ Очевидно, автор путает Горелую гору – самую высокую точку в окрестностях г. Мурманска – с Советской (или Красной) горкой, находившейся до того, как ее скрыли, в районе нынешней улицы Шмидта, где и находилось здание Совета. *Примеч. составителя.*

тельно задержать «Ломоносов». Здесь у нас у лихтерной пристани стоял большой ледокол, забыл название, тральщиков много стояло, «Соловей Будемиров[ич]»¹. Команда была уже вооружена. «Соловей Будемиров[ич]» стоял в ковше у лихтерной пристани, а «Ломоносов» стоял, как сейчас считают, у четвертого, кажется, причала. У него уже всё было приготовлено к отходу, всё было погружено, с запасом, конечно. Когда «Юрасовский» дал выстрел, конечно, все высыпали, но высыпали с голыми руками. По городу была пальба. Александров начал напирать на крестиков, а крестики – кто по домам, кто куда, трусы были, а такие уж были заядлые: князь Мещерский, Ермолов – тот и не выходил, его дома арестовали; затем был городской голова Дилакторский. Решили бежать в лес. У одного кольт взяли (пулемет) и бросили.

ДВИНИН. Они решили бежать, когда уже началось восстание?

ОЛЬШТИНСКИЙ. Да, уже началось. Все стали просто разбегаться. Первым делом нужно было взяться за оружие. [Там], где [сейчас] Торгсин – здесь были склады интендантские белогвардейские, а где идти в порт, левее – здесь были просто погреба, где лежали патроны. Моментально налетели, часовых сняли без всяких разговоров, они даже не стали защищаться.

ДВИНИН. Датчане?

ОЛЬШТИНСКИЙ. Нет, наши русские, крестики. Они поотдавали винтовки. Замки сломали. Весь город вооружился. Запас был большой. Пошли сразу же аресты. Мне было поручено арестовать весь порт, главку. Хотели некоторых расстреливать, но, в общем, старались обойтись без кровопролития. Кто где-нибудь кого-нибудь знал, офицера или еще кого-нибудь – арестовывали.

Какая была тюрьма? Вагон, в который всех сажали. Три вагона набили моментально, даже лечь было негде. Кто сумел первым забраться на верхнюю полку, тот лежал, а остальные просто должны были стоять. Очень много было арестованных.

После всего этого часов в 9 сразу же было задание организовать Мурманский, тогда уездный, комитет, Ревком, временный. Выбрали 9 человек, в том числе был и я комиссаром труда и социального обеспечения. Герасимов был комиссаром печати, Кузька Песочников, Сироткин – все обязанности распределили. Как раз мы заседаем, а здесь был Скрябин, есаул Соколовский (начальник милиции г. Мурманска), Вера Данилевич, Дилакторский. Правая рука Соколовского, татарин, такой зверь, он тоже уехал. (Скрябин, Соколовский, Вера Данилевич – они уехали).

ЛЫКОВ. Он из порта.

¹ Ледокол «Соловей Будимирович» в этот момент отсутствовал в Мурманске. *Примеч. составителя.*

ОЛЬШТИНСКИЙ. Здоровенный. Он не считался ни с чем, он пальцем мог отвернуть нос или ухо оторвать. Было так: например, вы после 12 часов ночи попали; раз – ещё ничего, подержат до утра и больше ничего, а второй раз попали – уже замешаны. И избивали прямо плёткой до безумия. Татарин-то и орудовал по его (?) приказанию без всяких. Мы получаем телеграммы от Горелой горы. Тюрьма была в Печеньге. Но они ошиблись. Олени были подготовлены. Они перебрались на ту сторону и уехали в Печеньгу на оленях, а там начальник тюрьмы – славный человек – тюрьму открыл, а эти как раз в лапы и приехали. Подписали: связать и доставить с Мурманск. Через полчаса телеграмма поступает, что Вера Данилевич не даётся аресту. Её, конечно, на штыках подняли, убили там же, а этих сюда доставили. Мы с ними моментально разделались.

ДВИНИН. На чём их доставили сюда?

ОЛЬШТИНСКИЙ. На боте.

ДВИНИН. Прямо в Мурманск?

ОЛЬШТИНСКИЙ. В Мурманск.

ДВИНИН. А говорили, что в Колу.

ОЛЬШТИНСКИЙ. Нет.

На судоверфи на мостках его и убили. Герасимов наш и убил их – по жеребьевке решили, кому убивать.

Скиндер был агент Чрезвычайной комиссии. 22-го у нас должно было быть собрание. На ул. Моряков был портовый театр. Там собрались. Конечно, пришли все вооруженные, с винтовками, потому что ждали «Минин», «Минин» мог сюда зайти. В самый разгар собрания вдруг кто-то цыкнул, что «Минин» идёт, зашёл в Кольский залив. Но это, конечно, пушка. Все собрались, кто на Зелёный Мыс, кто куда.

ДВИНИН. Собрание было 22-го?

ОЛЬШТИНСКИЙ. 22-го.

ДВИНИН. 21-го не было?

ОЛЬШТИНСКИЙ. 21-го в 9 часов вечера после всего мы уже собрались, верхушка, актив, для того чтобы организовать временный Ревком, а 22-го уже было общее собрание и утверждение ребят-комиссаров.

ДВИНИН. Может быть, это была провокация?

ОЛЬШТИНСКИЙ. Да, он прошёл около Кильдина и прямо на Норвегию.

Наша ошибка была в том, что мы были в таком радостном настроении, что даже ни одно орудие не посмотрели. Тут было много тральщиков. Александров, Держилов – там тоже орудие стояло. А когда 22-го мы хватились, то ни одного затвора не осталось, офицеры во время волынки 21-го потопили всё это. Военный руководитель, который на «Купаве» жил, мощный командира военного порта Никонов, Мессер и Скрыдлов уехали. Это тоже было 21-го, ещё до переворота.

ДВИНИН. Значит, они не на «Ломоносове» уехали?

АФАНАСЬЕВ. Шёл буксир. Когда паника поднялась, они повернулись и пошли.

ОЛЬШИНСКИЙ. 21-го, когда мы были уже вооружены, нужно было идти к «Ломоносову». «Ломоносов» сдаётся форменным образом. Капитан у стенки ...

ДВИНИН. Он ещё остался стоять?

ОЛЬШИНСКИЙ. Да. Большие торосы муки, до самой пристани было насыпано мешков, весь порт был завален мукой. «Князь Пожарский» приказывает к нему подойти – подойди, мол, сюда. Капитан даёт задний ход. Носом он стоял прямо на залив. Как только он дал задний ход, подработал немного, а потом без всяких дунов полным ходом на ту сторону. Начали стрелять, рубку разбили, кажется, штурмана ранили, но они ушли. Было дано задание пойти за «Ломоносовым». Многие на «Юрасовском» сами перестрелялись. Два дурака перебрались на другую сторону, и один замерз, а другой в будке ожил (где водокачка), но там сдался.

Тут был у нас некто Белов с Дзержинского. Он взялся за командование, но он с буксира капитан-практик, никакого опыта не имеет, дунов на «Юрасовском» за ним, но когда дошли до Зеленого мыса, «Ломоносов» шпарил во всю, его нельзя было догнать. У него авария с машиной случилась. Бить впустую было бесполезно, он без огня так и ушёл.

ДВИНИН. А «Соловей Будемирович» почему за ним не пошёл? Не под парами был?

ОЛЬШИНСКИЙ. Угля не было, а подготовить машину – у него чуть не 9000 индикаторных сил. Это же не военный.

Насчет 22-го. Я уже сказал, что мы готовились к защите города, и когда услышали, что идет сюда «Минин», все высыпали. Тащили всё на Зеленый мыс, и винтовки, и патроны. «Юрасовский» стоял на рейде, для встречи был приготовлен.

ДВИНИН. Они знали, что имеются одни пулемёты?

ОЛЬШИНСКИЙ. Никто ничего не знал. Потом всё успокоилось. Опять пошли на собрание, собрание всё-таки закончили. Был выставлен патруль хороший, караул везде, чтобы в случае чего не быть застигнутыми врасплох. После всего этого сговорились уже с Сорокой и Кемью. Кемь и Сорока не поняли, кто здесь – ни белые, ни красные, что, мол, за правительство в Мурманске. А там ведь был всё время фронт. Когда там прощупали, что здесь Советская власть, решили бежать в Финляндию.

ДВИНИН. Как на «Юрасовском» произошло восстание, он все-таки дал сигнал?

ОЛЬШИНСКИЙ. Дал.

ДВИНИН. Как это было?

ОЛЬШИНСКИЙ. Васильев сам из иллюминатора... Они уже готовились к выходу на рейд, и если бы «Юрасовский» вышел на рейд, он разбил

бы всё. У него было четыре больших орудия¹. Васильев всё это учёл, он из иллюминатора командира сшиб капитана из винтовки. Когда командир дал распоряжение Печину отдавать концы, тут они и давай друг в друга палить. Сами в салоне там перестрелялись, а два дурака поплыли на ту сторону [...]

Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев: Сб. воспоминаний и документов. – Мурманск, 2006. С.269-276.

№ 44. Стенограмма беседы представителей Истпарткомиссии Е.А. Двинина и А.М. Зепалова с участниками переворота Н.Г. Носковым, В.К. Раффельдом и А.А. Деевым

10 декабря 1934 г.

НОСКОВ. Прежде всего, о самом восстании. Началось заметно неустойчивое хозяйствование белых здесь и союзников, как они называли – англичан, французов, итальянцев, потом датчане были здесь, частью сербы были – с осени 1919 года, в октябре-ноябре приблизительно. В октябре-ноябре они уже выехали отсюда. Здесь уже было заметное колебание. Дальше уже в феврале 1920 г., в первых числах февраля, окончательное видно было, что шатко держится жизнь. Никакой специальной организации, какой-нибудь ячейки – не было.

Когда появилось такое шатание, по-видимому, властью было замечено, что есть брожение в народе, недоверие и т.д. Так они выпустили такое воззвание: желающим записаться в «премильную Совдепию» (так и было написано – «премилая Совдепия») гарантируем беспрепятственный выезд, и т.д. И пошли записываться. Сначала они, может быть, думали оттолкнуть публику. Один эшелон, действительно, был отправлен, но отправили их до фронта и за фронт проводили с пулемётами. Но это не устрасило. Был окружён штаб Ермолова, публика шла записываться, и им сказали, что никакой отправки не будет.

Уже в эти дни, в начале февраля, видно было, что очень шатко держится всё.

Как я знаю, здесь была комендантская рота, в которой был самый надёжный элемент, большинство из матросов, из старых матросов. Мне было хорошо знаком Дюрягин и Радченко.

ДВИНИН. Где их теперь найти?

¹ «Капитан Юрасовский» был вооружён двумя 75-мм орудиями. См.: Афонин Н.Н. Эскадренные миноносцы типа «Инженер-механик Зверев» // Судостроение. – 1983. – № 10. – С. 62. *Примеч. составителя.*

НОСКОВ. Он сибиряк, он уехал, потом снова приезжал сюда, был здесь в 1924 или 1925 г. и опять уехал – из Кургана, из тех мест откуда-то.

Дюрягин ко мне ходил, Ральченко, и мы беседовали. Был у нас ротный командир Орлов, потом он стал Александровым. Он всегда старался подойти и вмешивался в разговор. Называл просто «ребята» и т.д., но кто знает, что он думал, всё-таки он носил погоны. Это не давало возможности с ним поговорить откровенно.

ДВИНИН. А они-то, ваши товарищи были революционно настроены?

НОСКОВ. Да. В последних числах, может быть 14–15-го, здесь был содержатель артскладов некто Васильев, не помню его имени и отчества. На эсминце, на «Юрасовском» был некто Марчук Иосиф Архипович, тоже из старых моряков, он чуть ли не Минской губернии. С эсминца можно было вести переговоры с Марчуком по этому поводу, и вот приблизительно числа 17-го или 18 февраля, по-видимому, было такое распоряжение командования здесь, что всё офицерство военного порта перешло на эсми-нец, и приготовили они рейдовую бочку, где у нас сейчас траловая база, против Варничного Мыса. Они уже крепкое брожение видели, но организованный крепкой работы не было видно. Они хотели оставить эсми-нец, потому что это единственное орудие защиты. Накануне восстания, 20-го числа, у Васильева достали ящик гранат, у содержателя, и вечером этот эсми-нец «Юрасовский»...

ДВИНИН. Каким образом достали?

НОСКОВ. У него просто достали, он солидарен был, отдал. Участво-вали Ральченко, Дюрягин, Марчук и Васильев. Этот ящик гранат был пере-дан на эсми-нец через транспорт «Ксения». Баржа там стояла.

ДВИНИН. Та[к], чтобы часовые не заметили?

НОСКОВ. Да.

Был ещё там боцман, не помню фамилию, его похоронили в братской могиле.

РАФФЕЛЬД. Я его хорошо знал, но фамилию тоже не помню.

НОСКОВ. Решили так – в 12 часов, когда все офицеры спустятся в кают-компанию обедать, на закуску им дать одну гранату. И считали, что если она взорвется, то пусть она повредит люк, зато эсми-нец будет в руках надёжных. Это было решено, а мы, т.е. я лично и Дюрягин, были команди-рованы сюда в порт. Здесь стоял буксир «Строитель», который и сейчас есть, у 5 причала стоял, а дальше стояла «Соколица». На «Соколице» был мой соплаватель, тоже фамилию не помню, мы вместе плавали на 32-м тральщике. Он говорит, что есть несколько ребят надёжных и что у нас около 60 винтовок и патронов приобретено; в комендантской же команде, где отношения были более обостренные, всего было 35 винтовок и по 5 па-тронов на винтовку на всю команду было дано. На «Строителе» капитаном был Мартинсон или как-то в этом роде, латыш. Спросили капитана – отве-чает, что нам сказал Фролов, что, если кто придет из этих (они почти со-

брались бежать) правителей, то отвечайте, что машина разобрана. Но она не будет разобрана, если не будет взрыва на миноносце.

ДВИНИН. Что вы хотели делать на «Строителе»?

НОСКОВ. Отобрать винтовки и отойти на ту же бочку, которая для них была приготовлена, но не с этой командой, а с командованием. Был план выйти с эсминца на бочку, а на «Строитель» мы должны были подойти с частью винтовок со складов. Без четверти два примерно ждали взрыва. Взрыва нет. Направились в комендантскую команду оттуда. Дойдя до посёлка, мы встретили извозчика с военного порта.

ДВИНИН. Вдвоем отправились?

НОСКОВ. Да. Стоит на козлах, гонит лошадь во весь карьер и кричит: «Давай скорей лошадь, комендантская команда уже выходит».

ДВИНИН. Кто возчик?

НОСКОВ. Из военного порта. А Рухлов, из аскольдовских моряков, был завхозом, и поэтому он направил. Он знал, что мы здесь и направил. Мы подъехали. Начали выходить. Во главе был Орлов (подъехали к комендантской команде, где теперь военкомат, здесь фанерный барачек). Пошли мы – теперь это ул. Сталина. На базе был барак наподобие буквы П.

ДВИНИН. Когда вы подошли, они что делали, построились?

НОСКОВ. Уже выходили. Имели тоже ружья, кто имел револьвер, кто винтовку, но винтовок всего было, повторяю, 35 штук и на каждую винтовку было 5 патронов.

ЗЕПАЛОВ. А датчане с вами были, когда вы шли по направлению к посёлку?

НОСКОВ. Подошли мы к бараку П. Там помещался так называемый карогряд Шенкурский. Подойдя к этому бараку не вплотную, а поодаль, мы начали переключаться: «Товарищи, присоединяйтесь!» Да больше мы и не могли говорить, потому что у них люзганы¹.

ЗЕПАЛОВ. Это учебная рота была?

НОСКОВ. Нет, это была особая группа, её почему-то называли карательной. Они начали вести переключку, между собой говорят, потом вышли с красным платочком присоединяться. Он них мы получили два пулемета, один поставили [там], где были раньше склады (ул. Сталина), один пулемет – ближе к линии (улица идет ближе к линии). Разделились на две колонки, одна пошла по декавилюке (узкоколейка), другая по железной дороге прямо на артсклады за Варничным ручьем, которые охранялись датчанами.

ДВИНИН. Сколько народу в то время участвовало?

НОСКОВ. Не так много, сотни полторы, может быть две; две, пожалуй, не было.

¹ Ручные пулемёты. *Примеч. составителя.*

ДВИНИН. А сколько было шенкурят?

НОСКОВ. Много было. Они частью пошли, но самое главное, что мы получили от них оружие, они не сопротивлялись.

ЗЕПАЛОВ. Они с вами пошли?

НОСКОВ. Частично, не все. Пройдя Варничный ручей, куда мы поднялись на бугорок – здесь артсклады охранялись датчанами – мы были в таком настроении, что трудно было рассчитать. Рядом со мной в бушлате парень, видно, из матросов, фамилию не помню. Говорю: «Что же, будем лежать, давай, пробуй».

ДВИНИН. А датчане выстроились, сколько их было?

НОСКОВ. Человек 50–60.

ЗЕПАЛОВ. Большая охрана.

НОСКОВ. Он приложился, попробовал. И очень удачно, у одного головы не стало, поник. Окружили, отобрали у них оружие. Тут же действовал Орлов, и на ребят из комендантской роты он особенно рассчитывал. Было дано распоряжение направить их под конвоем туда, где сейчас заразная больница, ниже городской больницы к линии, 30-й барак. Отобрали оружие и направили, а сами начали ломать замки и вооружаться до зубов. Недостатка в оружии тут уже не было. Начали пробовать винтовки и т.д.

ДВИНИН. Население стихийно присоединялось?

НОСКОВ. Трудно было заметить, но присоединялись. Оттуда всей толпой повернулись и остановились, поставили пулемет около камня. [Там], где проезд на базовскую пристань, тут был камень. Остановились тут и начали планировать так: нужно было выделить лучших ребят вниз. Тут были склады со спиртом, нужно было, чтобы публика не перепилась. В этот момент шёл поезд. Внизу ничего не знали, что делалось наверху. Когда шёл поезд, кто-то выкрикнул: «Куда, зачем пускаете его?» Выстрелов 60 сделали по поезду. Машинист остановил поезд, [спросил]: «В чем дело?» Ребята уже разбили на три кучки: одна кучка и сам Орлов пошли к управлению Ермолова, Дюрягин со своей кучкой пошёл на так называемую Советскую горку, есаул Соколовский со своим отрядом здесь с пулемётом остановился, и когда Дюрягин начал отступать, тоже начал отступать по всему посёлку и по водопроводу наверх, теряя часть своих.

ДВИНИН. Было сопротивление с его стороны?

НОСКОВ. Ничего нет. Не доходя посёлка, Дюрягина встретил Яковлев, который работал сыщиком у белых, молодой парень. «Вас, – говорит, – (как он сказал...), начальник уголовного розыска зовет к себе». «А ты кто?» – тот спросил (это мне рассказывали, я не был в том отряде). «Я, – говорит, – сыщик». Ещё кто-то из ребят его ткнул штыком. Я попал с отрядом на транспорт «Ксения».

ЗЕПАЛОВ. Как фамилия тому, которого вы расстреляли?

НОСКОВ. Яковлев. Видна была всё-таки растерянность белого командования. Какую пальбу открыли, через состав летели пули рикошетом

по заливу, оставив здесь «Строитель», на него всё-таки пришли и сели два или три заправила и хотели попасть на миноносец. Когда они подъехали к эсминцу, который стоял, то в этот момент была перебежка. Тут уже много прибавилось, человек может быть 40 на «Ксению» прибежали, и каждый устроился, где только щель была. Когда все уже разбежались, тогда закричали: «Командир распорядился отдать концы». В этот момент с «Ксении» удар по эсминцу. Боцман что ли, трудно сказать, но ему попала пуля через руку, и чуть ли не кока тогда на эсминце задела. Этот упал, и командир, умирающий, с прострелянной головой, упал. Старший офицер, который с эсминца на баржу хотел пересесть, тоже получил пулю, тоже в стрельбу попал. Тогда открыли стрельбу по кают-компаниям. Оттуда показался пар, кто-то уже с бомбой подбежал, поздно, бросил тоже туда, но не оттянул, прямо. Получилось, конечно, красиво. Пули летят. Часть из офицеров, видно, сами застрелились, часть попали под пули, остался в живых только один офицер.

ДВИНИН. Значит, они все были в кают-компаниях?

НОСКОВ. Старший офицер и командир, а эти были все там. Когда пар показался, думали что это дым, пожар, хотели поливать, а в этот момент выходит китаец, который там подавал: «Моя най подавай вам», - говорит, вылезая оттуда. Когда всё это прекратилось: «Выходи, кто есть». Но никто не выходит. Когда спустились вниз, оказалось, что уже готовы, один только прижался в углу бледный, не помню фамилии, длинный.

РАФФЕЛЬД. Длинный, худой, свежее лицо.

НОСКОВ. Сейчас же его оттуда взяли, и эсминец отвалил. Пар шёл оттого, что в трубу пуля попала. Эсминец сразу отошёл и вышел сразу ниже пристани, где кран, примерно в этом месте. В этот момент часть эмиграции уже была на «Ломоносове». «Ломоносов» отходил. Здесь уже было полно, пулемёт был на пристани, с пристани по «Ломоносову» пулемёт стучит. «Ломоносов» отошёл, и когда с «Юрасовского» предупредили, он застопорил, но проливным течением его сносило, и было уже темновато. Когда миноносец увидел, что его уже уносит, решили стрелять, а целики не освещены. Тот, увидев это, завертел. На якорь встали. Рашпиль не берёт. Травить канат. Вдогонку. Темнота. Так и не догнали. Решили, что гонка бесполезна, черт с ним, одного упустили. Вернулись.

Миноносец остался один. Марчук был и за командира, и за командора, он остался одним заправилой.

После этого было распоряжение такое: цепь вокруг города, и зная, что некоторые ушли туда, за ними погони не было. Соколовский ушел. Его адъютант Хисматулин или что-то в этом роде, татарин, и комендант города...

РАФФЕЛЬД. Не комендант города, а главный военный здесь...

НОСКОВ. В общем, всех троих с Печеньги вернули.

РАФФЕЛЬД. С ним был ещё его брат, кажется, десятником работал. Да, Дилакторский. Они отступили на водопровод, и за ними погони не было, а здесь было отдано распоряжение поставить кругом охрану, цепь.

ЗЕПАЛОВ. А кто распоряжался?

НОСКОВ. Больше всего руководил Орлов, и все его слушали.

ДВИНИН. Сколько их отступило?

НОСКОВ. Только три человека. Их отступило больше. Инженер электростанции, он пришёл с отмороженными ногами, некоторые поморозили себе ноги и вернулись.

РАФФЕЛЬД. Там ещё были какие-то молодые люди.

НОСКОВ. Был и ещё кто-то.

ЗЕПАЛОВ. Полевицкий?

НОСКОВ. Нет. Был князь Мещерский и инженер электростанции. Но ушло в Печеньгу только три человека.

РАФФЕЛЬД. Был ещё Скрябин.

НОСКОВ. На скрябинском боте они и ушли.

РАФФЕЛЬД. Они, говорят, на оленях ехали.

ДВИНИН. На оленях, а потом на ботах.

РАДФИЛЬД. Через Колу на оленях они уехали в Печеньгу.

ДВИНИН. Говорят, через залив переехали, а там олени были.

ЗЕПАЛОВ. Там был бот Скрябина.

РАДФИЛЬД. Бот Скрябина был.

НОСКОВ. Что-то имел он в Печеньге, и когда передали рабочим, там их арестовали и привезли потом. Некоторых задержали, не доезжая Печеньги.

ЗЕПАЛОВ. Там же белофинны жили?

НОСКОВ. Печеньга наша была. Там были наши рабочие, которые их арестовали.

ЗЕПАЛОВ. Печеньга разделялась на два района – монастырь, где были белые, и село Печеньга.

НОСКОВ. Белые везде были сразу, а потом были рабочие, и когда передали, чтобы задержать – они и были задержаны скрябинскими рабочими. Не то заготовки, не то какое-то предприятие там было у Скрябина. Он сперва был на стройке Мурманской железной дороги, а потом работал как бы купцом. Морской барак-клуб и кино – это ведь его было.

Вечером, после того, когда всё стихло, Ермолов был арестован.

ДВИНИН. Как он был арестован?

РАФФЕЛЬД. Я там был.

НОСКОВ. Ночью, когда был уже избран исполком, тогда только выяснилось, что он Александров.

ЗЕПАЛОВ. Т.е. вместо Орлова – Александров?

НОСКОВ. Да. На второй день я с Дюрягиным был откомандирован в Имандру с первым поездом. Поезда ещё не ходили. Кандалакша ещё была

в белых руках. Когда мы приехали в Оленью, у нас был товарный вагон полный ружей, было с собой штук шесть пулемётов и несколько лиуизганов, шесть или семь.

ЗЕПАЛОВ. Много.

НОСКОВ. А сколько у нас числится?

ЗЕПАЛОВ. Один пулемёт.

НОСКОВ. Нет. Когда мы подошли поездом к мосту за Оленьей, то Оленья не дала нам путевую вперед.

ЗЕПАЛОВ. Комиссаром кто был?

НОСКОВ. Никого не было, мы с Дюрягиным.

ЗЕПАЛОВ. Сколько было пулеметов?

НОСКОВ. Шесть или семь.

ДВИНИН. Зачем вам двоим шесть или семь пулеметов?

НОСКОВ. Там целый вагон братвы. Пока мы шли от исполкома, намобилизовали полный отряд, а мобилизовали как: «Хочешь, браток, ехать туда?» – «А зачем?» – «Нужно». И пока дошли до станции, намобилизовали. И в Лопарской стояли два вагона пленных красноармейцев, они тоже с удовольствием поехали. Может быть, вы про какой-нибудь другой отряд говорите?

ЗЕПАЛОВ. Да, это после вас.

НОСКОВ. Это другое дело. Доехали до Колы. На Кольском мосту были сняты рельсы.

ЗЕПАЛОВ. Кто был на кольском мосту, не помните? Девяткина там не было?

НОСКОВ. Не помню, а вот был Костя Ключаров, это я помню. Мы рельсы уложили, в Шонгуе платформу оставили и поехали дальше. Организовали летучку-митинг и немного оружия давали. Сами – дальше. До Оленьей ехали – всё было хорошо. Машинист был Сорокин. Как сейчас помню, отчаянный мужик. Говорю: «Не при ты». – «Ничего». Когда мы из Оленьей вышли и узнали, что Кандалакша в руках белых и кандалакшский мост охраняется, то мы приготовили пулемёты. На расстоянии 150-200 сажен от моста мы вышли, небольшой отряд, человек 12-15. Дюрягину я сказал: «Если откроют огонь по нам, на нас не смотрите, мы уж постараемся кувыркаться, а вы по их огонькам». Подойдя ближе, мы крикнули: «Товарищи!» Нам отвечают: «Товарищи». Мы вопросительно крикнули. Видно – папироски раскуривают, чувствуют себя свободно, а если бы что-нибудь предпринимали, то этого уже не делали бы. Подходим. Рабочие дежурные помогают, те устают, смены нет из Кандалакши. «Как дела у вас?» – «Дела ничего, рабочие помогают, но оружия мало». Мы сейчас же устроили летучий митинг, немного их подснабдили. А дальше как? Всё в порядке. Следующий мост – наши ребята.

Так мы дошли до Имандры. В Имандре на «Ксении» был мастером чёрный полный парень Соловьев, в депо работал. Он очень горячее уча-

стие принял и в Имандре намобилизовал человек, наверное, около сотни, даже больше, рабочих, вооружили их и, как получили извещение, телеграфист получил извещение (они переговаривались с Кандалакшей), что из нижней Кандалакши из депо (за три километра было старое депо) вышел последний паровоз под бронепоезд, который они хотели отправить в Мурманск, это нас заставило поторопиться. Там есть разъезд Белый. Не доезжая [до] этого разъезда, есть мостик. Мы спрашивали, где есть мостик, который можно взорвать на несколько дней, чтобы не пропустить бронепоезд. Мы взяли два вагона для этих мобилизованных в Имандре, взяли два паровоза, один в хвост, другой в голову, с таким расчётом, что, если нам не удастся добраться до этого моста и заложить фугасы, затем отступить и оставить с паровозом и с этим вагоном ребят, чтобы они здесь укрепились, и если мы слышим встречный, придётся отпустить паровоз, открыть регулятор. Добрались до мостика, всё сделали, как нужно, и оставили поезд, два вагона с паровозом, сами вернулись в Имандру. Вернувшись в Имандру сообщили: не беспокойтесь, паровоз сошёл с пути, последний паровоз сошёл под откос. Какими судьбами сошёл, подробностей я не знаю. И мы вернулись обратно со своей братвой. Оказалось, что вся братва, которая с нами поехала, все бывшие железнодорожники, все обиженные по дороге. Такой-то арестовал, ведёт в вагон, и дошло до того, что самим сидеть негде. Мне передают – забрать, явно контрреволюция. Но попробуйте вы с массой говорить, что этого не надо, когда она признаёт, что это надо. В общем, 160 человек, кажется, набили арестованных и привезли. Сдали 30-му. В этот момент раздался крик: «Минин» идет».

ДВИНИН. Какого числа вы приехали?

НОСКОВ. Приехали на второй день, а на третий день вернулись. Днём мы пришли туда. Передают: «Минин» идет». Кричат: «Передай дальше – «Минин» идет», – по улице прямо. Тут несколько отрядов к Зеленому мысу побежали. в камни, но никакого «Минина» не было. Эсминец наш уже был в море под командованием т. Радфильда; ему радировали отсюда, что всё в порядке, чтобы он повернул сюда, но, по-видимому, ему было передано, и он пошёл прямо и, не заходя сюда, – в Мурманск.

Это самый выдающийся момент. Это дни переворота. А потом ничего особенно здесь уже не было.

ДВИНИН. А Чумбаров-Лучинский?

НОСКОВ. Это уже после, когда уже пришли отряды красноармейцев. Он с отрядом был.

ДВИНИН. Мне интересно услышать о нём самом.

НОСКОВ. Вообще у мурмачей хорошее впечатление о нём осталось. Хороший оратор. Ходил в полушубочке, как теперь помню. Я не знаю, что можно сказать... – собрания были, он выступал.

ДВИНИН. По работе сталкиваться не приходилось?

НОСКОВ. Нет. Он в собраниях участвовал и в этом клубе, и нашем, здесь ещё столовая была, не клуб. Хорошо знаю его, но особенно сталкиваться не приходилось.

ЗЕПАЛОВ. Где сейчас Дюрягин?

НОСКОВ. Отсюда уехал, говорил, что опять поедет к себе в Сибирь, в Курган.

ЗЕПАЛОВ. А вы знаете, что он тогда был матросом с «Аскольда»?

НОСКОВ. Знаю.

ЗЕПАЛОВ. Кто застрелил Яковлева? Застрелил Дюрягин.

НОСКОВ. Да, я знаю, я же и сказал.

ЗЕПАЛОВ. В общем, правильно, хорошо, так.

НОСКОВ. Толковали мы, но никто не мог слышать, что была какая-то организация.

ЗЕПАЛОВ. И Игнатьева вы разве не помните?

НОСКОВ. Их было два.

ЗЕПАЛОВ. Александр Иванович.

НОСКОВ. Знаю.

ЗЕПАЛОВ. Игнатьев, Ушаков.

НОСКОВ. Знаю этих.

ЗЕПАЛОВ. Это и была организация. Так что вы не думайте, что это ...

РАФФЕЛЬД. Он (?) с ним был ближе.

НОСКОВ. Скажу так, как я понимал. В Упродкоме Александр Иванович оказался, потом ведь он же был при Ермолове.

ЗЕПАЛОВ. Он немец был.

НОСКОВ. И Ушаков. Они при [...], а потом они были у Ермолова. Я не знаю, если бы знал, то сказал бы. А вот единственно, о ком здесь было много разговоров, так это о Ваньке Каине, который чудил. Пospelов.

ЗЕПАЛОВ. Он не чудил, приносил пользу.

НОСКОВ. Именно он был такой неуловимый. Его кличка – Ванька Каин. О нём разговоров много было. Я знаю, что и Александр Иванович и Ушаков - земские. Они фигурировали ещё во время выборов в Учредительное собрание, но точно о них сказать не могу. Мне даже казалось: как он был у Ермолова, а теперь в Упродкоме.

ЗЕПАЛОВ. Может быть вы остановитесь на мотивах и обстановке ареста Ермолова и бегства «Минина» и т.д.

РАФФЕЛЬД. Я скажу, что я помню, как поражение началось. Когда иностранцы получили свои предписания уйти, то, конечно, и здесь стало неустойчивее. Мобилизовали, меня тоже в том числе. Так зима прошла. Перед 20 февраля, когда уже всё это крепко стало заметно, у меня был капитан на плавсудне «Ксения»; ближе всего я был со своими палубными ребятами, матросами. Был там некто Лапин, матрос. Мы часто поговаривали о недовольстве и всё такое. И они хотели действовать еще до 20-го, как-то не терпелось им. Я советовал им немного подождать пока, успокаивал их немного,

чтобы они не попались преждевременно. На «Ксении» в мастерских был Хохлов. Я знаю, что он заботился о том, чтобы организовать что-нибудь. Прямого участия я не принимал, но я знаю это, мне тоже говорили.

Это было, кажется, 19-го или 18-го – целая пачка офицерских жен и офицеров каких-то, потом бельгийцы какие-то были здесь – хотели уехать отсюда. Игнатьев Илья Федосеевич (он умер уже) пришёл к нам (я был на «Ксении») и говорит, что предстоит переворот, нужно как-нибудь уговорить командира «Юрасовского», чтобы не было стрельбы, так как предполагается, что они будут обстреливать город, если что-нибудь произойдёт в городе. Я с Игнатьевым Ильей Федосеевичем пошёл к Милевскому, он был командиром. Начальник мастерских там был Лапин (не тот, о котором я говорил, а другой, инженер-механик). Мы толковали на эту тему, чтобы не было стрельбы. Они отказались присоединиться к нашему предложению, но Милевский успокаивал, что никакой стрельбы не будет, что это ерунда, слухи распускаются. Мы ушли оттуда без результатов, мы ничего не добились. На 20-е утром люди были назначены по городу и как капитан «Ксении» и я в том числе. Я был с двумя карелами, кажется, ребятами, около Ермолова. Наступление шло со стороны базы к дому теперешней милиции. Там был Ермолов. Я ему сказал, чтобы он поместился в этой комнате и был там как что ли арестованный. Ребята мои пошли, а я остался вроде охраны с ним, пока не пришлют ещё конвой. Это и был его арест. Через час или через два прислали...

ЗЕПАЛОВ. Полковник Фролов был с вами?

РАФФЕЛЬД. Никого не было.

ДВИНИН. Это было на квартире?

РАФФЕЛЬД. Он там же жил. Когда в милицию заходишь – прямо как раз в той комнате он и был, а направо была приемная что ли.

ЗЕПАЛОВ. Где вы застали Фролова, разве он там был. Помните покойного Фролова?

РАФФЕЛЬД. Он не был там.

ЗЕПАЛОВ. Он был на пристани.

РАФФЕЛЬД. Может быть, на пристани, но его там не было.

ЗЕПАЛОВ. Говорят, что он арестовал.

РАФФЕЛЬД. Неправда, я арестовал. Я был назначен к этой охране. К сожалению, фамилии людей я не могу сказать, потому что каждый раз были другие, я даже так не знал. А только они краснощёкие ребята, здоровые, в английских шинелях.

Там, где теперь амбулатория городка, дальше уже строится, этих домов уже нет, там напротив ещё жил – шестой номер. Ребята толковали, что они пойдут дальше с наступающими, а я останусь в этом доме (управление при Ермолаеве).

ДВИНИН. А что он ответил, когда вы сказали, что он арестован? Он вообще знал, что восстание уже идет?

РАФФЕЛЬД. Как не знать, когда кругом люди бегают, выстрелы идут. «Что делать теперь?» - Я говорю: «Потрудитесь здесь быть, пока не решат, как с вами быть».

ДВИНИН. Он спокойно себя вел?

РАФФЕЛЬД. Жена говорила, что нужно бежать, идти. - «Где же теперь убежать, теперь вы должны здесь оставаться».

ЛАНДГРАФ. Потом что с ним было?

РАФФЕЛЬД. Орлов, очевидно, прислал часового, который уже меня сменил, которому я его передал, и он остался в его комнате. Я его не запер, да он и не мог куда от меня уйти.

[...]

ДЕЕВ. [...] Состояние Мурманска уже было такое, что только начиная действовать, а всё остальное будет в порядке. Почему? Потому, что, например, из Александровска уже шли слухи о том, что там ребята тоже готовились. Мы, конечно, недолго задумывались. У нас военнопленная рота. Нам терять нечего – повесят или расстреляют, но нужно было торопиться. Да и тем-то спасу было мало. Что мы сделали? Комендантские команды первые пошли с нами. У кого было оружие, те в первую очередь пошли, окружили, захватили учебную команду, которая здесь была.

ДВИНИН. Как это началось?

НОСКОВ. Он не учебный отряд назывался.

ДЕЕВ. Нет, учебный. Этот учебный отряд помещался сзади городской больницы, здание занимал учебный отряд.

ЗЕПАЛОВ. Кто был у вас командиром?

ДЕЕВ. Командовал нами Фомин. Я же говорю – учебный отряд был. У нас был Фомин, а в учебном отряде кто был командир – я не знаю.

ЗЕПАЛОВ. А вы в какой команде были?

ДЕЕВ. Военнопленных.

ЗЕПАЛОВ. А военнопленная часть в какой команде была?

ДЕЕВ. Военнопленные были вывезены и из тюрьмы для чёрных работ. У нас Фомин был.

ЗЕПАЛОВ. Я скажу, кто командиром был.

ДВИНИН. Как началось? Сказали вам, что нужно выходить, самый момент выхода, в какое время?

ДЕЕВ. Момент, конечно, трудно объяснить. Нам нужно было что сделать? В первую очередь, забрать учебную команду, которая была не солидарна с нами, вместе с тем, забрать оружие, чтобы мы могли чем-то действовать.

С самого начала момент я не могу установить, но намечали мы приблизительно часов на 12. Когда я лично приходил с работы, смотрю – полная суголока в казарме. Что же получается? У кого не было винтовки, идут к артскладам забирать, а у кого было оружие, сразу же оцепили этот отряд учебной команды, которой помещался как раз по улице..., не помню уже.

У комендантской команды уже были ружья. Она и оцепила. Мы воспользовались тем, чтобы получить с артскладов ружья. Пошли своим крылом по линии железной дороги, со своими винтовками и начали стрелять в белый свет. Кого обстреливать? Противника не было. По линии к нам навстречу вышла здешняя мурманская милиция. Руководитель её был Палатников. Как раз они шли снизу. Не доходя до того места, где сейчас строится депо железной дороги или где конюшня железнодорожная, Палатников командует: «Приготовиться идти врассыпную». Для того чтобы выполнить его команду, его поднимает сзади Цибин Назар и винтовкой бьёт его, убивает. Палатников остаётся здесь. Милиция поднимает флаг уже солидарно с нами. Нам не с кем драться.

ЗЕПАЛОВ. А у вас Богданов был?

ДЕЕВ. Не помню такого.

ДВИНИН. А разве не Богданов убил Палатникова?

ДЕЕВ. Я не участвовал, я не мог быть вездесущим, но убил Палатникова, как мне сообщали, Цибин Назар, которого сейчас в живых нет. Когда Палатников скомандовал: «За мной», - он прицелился и хлопнул его против конного двора.

ДВИНИН. Штыком.

ДЕЕВ. Нет, пульей.

ДВИНИН. А другие говорят, что штыком.

ДЕЕВ. Пулей.

ЗЕПАЛОВ. Это правильно.

ДЕЕВ. Поскольку не было сопротивления, пошли дальше. Я там не участвовал, но поскольку у нас была связь с Марчуком – пошли дальше. С рабочими «Ксении» я не был связан, но, очевидно, Марчук был связан. У них уже были винтовки. Миноносец «Юрасовский» собирается отходить, а он как раз был пришвартован к транспорту «Ксения» на базе для отхода, потому что уже там началась стрельба. Командир на миноносце «Юрасовский» Милевский отдаёт приказание: «Отдавать концы». И уже даёт ход. В то время, когда пошёл Коблов отдавать концы, когда боцман пошёл отдавать концы на нос, его оттуда саданули. Теперь говорят, что это с «Юрасовского», но это с «Ксении». Это первая жертва.

Одна гроза была – «Юрасовский», остальных мы уже не боялись, а поскольку была уверенность, что «Юрасовский» был уже с нами, когда был дан этот сигнал, то остальных-то мы всегда расшлёпаем.

Когда Коблова шлёпнули, тогда дали сигнал. Вся братва на миноносце, а их было порядочно, начали их критить. Часть офицерства сидела в кают-компании. Лейтенант, капитан судна «Юрасовский» Милевский – это бывший мой старший офицер при моём старом плавании на «Бесшумном». Ему, в общем, вцепили пулю, и он всё же стоял. Остальные через люки били винтовкой. И пар пускали, и ещё что-то делали, для того, чтобы всё-таки угро-

бить. Правда, почти что всех угробили, за исключением одного, и одного востового китайца, который испугался и всё. Миноносец отошел на якорь [...]

Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев: Сб. воспоминаний и документов. – Мурманск, 2006. С.276-284.

№ 45. Стенограмма беседы представителя Истпарткомиссии Е.А. Двина с участником переворота В.Г. Ольштинским

Декабрь 1934 г.

[...]

ВОПРОС: На основании чего враги оставили Мурманск?

Тов. ОЛЬШТИНСКИЙ: Их выгнали отсюда.

ВОПРОС: Как происходило?

Тов. ОЛЬШТИНСКИЙ: Кровапролития не было сильного, убито всего 7 человек. Но оставшиеся белогвардейцы, когда они увидели, что рабочий класс стал мощным, и что вооружённой силой уже не справиться, они все разбежались, как последние люди, по всем подвалам. Нашлись несколько человек, которые убежали в горы и после пришли в Ревком и сдались с позором. Один нос отморозил, другой уши отморозил.

[...]

ВОПРОС: С какого момента началось восстание?

Тов. ОЛЬШТИНСКИЙ: 1 1/2 часа дня. Сигнал был дан, чтобы захватить в свои руки миноносец «Князь Юрасовский»¹. Миноносец стоял у берега. Если дать отойти ему на рейд и если ударить по Мурманску из орудия, ничего от Мурманска не останется. На «Князе Юр[ас]овском», также как на «Ксении», тов. Васильев сумел убить на месте командира. Все остальные офицеры сами себя перестреляли, потому что они увидели, что положение безвыходное. Покончили самоубийством. Нашлись два храбреца, которые решили переплыть в Норвегию, один замерз, другой переплыл. Мы условились, что если «Князь Юрасовский» будет в наших руках, он должен будет на рейде дать один выстрел. Если будет один выстрел, значит, мы свободно идём брать оружие. Это всё так и было сделано.

В горке – Горелой горке – там белые засели. Когда они увидели, что делать нечего, они решили разбежаться. Солдат не было, англичане уехали раньше, французы уехали позже англичан. Моряки на «Князе Юрасовском» целиком были преданы делу рабочего класса.

ВОПРОС: Комендантское управление белых как себя вело, когда выступила революционная часть?

¹ «Капитан Юрасовский». Примеч. составителя.

Тов. ОЛЬШТИНСКИЙ: Революционная часть была подготовлена, выступила одной из первых под руководством тов. Александра (он же тов. Орлов); он начальник комендантской роты, первый председатель Совнаркома.

ВОПРОС: Расскажите о Совнаркоме.

Тов. ОЛЬШТИНСКИЙ: После того, как власть очутилась в наших руках, надо было выбрать управление. В доме по проспекту Ленина,¹ где управление милиции, там собрались для обсуждения и выборов. Было выбрано 9 комиссаров по каждой отрасли труда и производства. Во главе комиссаров был председатель комиссаров тов. Александров. Я был выбран комиссаром труда и социального обеспечения. У нас получился Совнарком. Нам нужно было правление, потому мы и выбрали. Мы были в то время оторваны от Советского правительства. Фронт был так, как он стоял. Мы знали, что Архангельск – красный, Мурманск – красный, а распоряжения никакого не было. Мы и выбрали временное правительство всего Мурманского побережья и целиком Мурманска. Но когда Россия получила все сведения, что Мурманск целиком отошел на советскую сторону, когда фронт разбили, и остатки белых офицеров бежали в Финляндию, а войска все остались на стороне красных, тогда получилась совсем другая картина.

ВОПРОС: Какое участие принимало население во время переворота?

Тов. ОЛЬШТИНСКИЙ: Здесь был Поспелов – Ванька Каин, как его называли. Он вёл партизанское движение против белых. Я хорошо помню, что в Медвежьей Горе, англичан ждали в количестве 470 чел. Их приехало 30; 440 человек убил Поспелов. Он партизанил в лесу. Если белые знали, что в каком-нибудь селе, становище, погосте останавливался Поспелов со своим отрядом, там белые вырезали не только взрослых, но даже грудных младенцев и этим мстили. Везде, где только останавливался ночевать отряд Поспелова или только кто ему хотя бы хлеба дал, там белые вырезали, мстили за это. Отряды были по 30, 40 и 20 человек. Везде были размещены отряды.

ВОПРОС: Александров жив?

Тов. ОЛЬШТИНСКИЙ: Жив, он сейчас в Ленинграде.

ВОПРОС: А Поспелов?

Тов. ОЛЬШТИНСКИЙ: Поспелов жив. Работает в своём хозяйстве.

ВОПРОС: Кем вы работаете?

ОЛЬШТИНСКИЙ: Я сейчас работаю бригадиром – слесарем порта.
[...]

Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев: Сб. воспоминаний и документов. – Мурманск, 2006. С.284-285.

¹ Проспект Ленина появился в Мурманске в 1925 г. *Примеч. составителя.*

№ 46. Стенограмма беседы представителя Истпарткомиссии с участниками переворота К.Я. Песочниковым и И.И. Александровым

3 января 1935 г.

ПЕСОЧНИКОВ: Я немножко сначала коснусь того момента, когда в Мурманске была интервенция англичан, когда белогвардейская власть для своего укрепления и восстановления пользовалась сербами, которые там были, вроде как бы на отдыхе, и, в частности, это же было и в Кеми, где был я.

Собственно восстание началось с того момента, когда белые вывели одного сопротивляющегося из Совета и тут же на глазах расстреляли, этот расстрел видели все, расстрел произошёл около сада отдыха, и я это видел лично. Мне рассказывали, что один небольшой отряд запротестовал, то одного из них взяли, вывели и расстреляли.

Вот это создало определенную обстановку. Создалось у всех такое настроение выжидательное, что, мол, подождите белые, недолга ваша власть, придёт время, и вам попадёт, и вот время пришло.

Я в это время находился на борту парохода «Бык»¹, и все мы нелегально работали, что могут подтвердить и мои товарищи, для того, чтоб совершить этот переворот, выгнать белых и восстановить Советскую власть.

«Бык» стоял в Кеми летом, а в октябре мы пошли в Мурманск.

Когда мы приехали в Мурманск, то наше революционное настроение не только не падало, а с каждым днём разгоралось. Здесь в Мурманске был порт, было больше матросов, были грузчики, у нас организовалось землячество, много было своих ребят из Сороки, мы собирались в каждую удобную для нас минутку и обсуждали вопрос, а как бы нам удобнее начать восстание, разбирали и так и этак, с чего и как начать. Тут не было ничего официального, мы собирались неофициально, это делалось как-то само собой, мы приходили и делились впечатлениями, читали белогвардейскую газету «Вестник»² и судили, как у них обстоит дело, мы критически относились к их статьям, а стремились узнать, как они крепки, и ждали удобного момента напасть.

В Мурманске обстановка была тяжёлая, там была интервенция и англичан, и французов, там были и американцы, и поляки, и итальянцы и т.п.

Сам я уроженец гор. Холмогоры Архангельской губ. Революция меня застала в Ленинграде, я был на военной службе, был мотористом, служил в моторной школе на Средней Невке. Я принадлежал к частям пограничной стражи, где было оружие всякого рода и вида, там были и флот, и пехота, и

¹ Имеется в виду буксирный пароход «Выг». *Примеч. составителя.*

² Имеется в виду газета «Мурманский вестник». *Примеч. составителя.*

артиллерия, как только наступала война, все эти части превращались в действующую армию, и я в 1914 г. перешёл на флот и попал на корабле в Финляндию в качестве моториста.

В 16 году наша школа стала представлять собой авиационную фабрику Лебедева, и нас послали туда работать, так что я приехал обратно в Ленинград и здесь встретил революцию.

[...]

И вот в Мурманске пришло время, когда из него стали уходить французы, американцы, англичане, итальянцы, но, там осталось датчане. Много там было народу, чёрт знает, кого там только не было, всякого сброду, а мы продолжали обсуждать, как у нас будет вестись восстание, мы готовились к этим событиям.

В Мурманске была учебная команда – развернули наше влияние и на неё, в учебной команде были также наши люди, всюду, где хотите, хоть один, хоть два, но наши, от них мы узнавали то, что нам было надо.

Так мы дожили до 21 числа, когда в 4 часа был разбит склад оружия, это было так в 4 часа дня.

Надо сказать, что перед этим за два-три дня белогвардейская власть, чувствуя восстание, начала готовиться к нему, чтоб дать нам отпор, в их газете началось запугивание, что, мол, всем восставшим против нас мы наденем крепкую узду и т.д.

И вот 21 числа мы днём вышли в город, пошли к центру.

ВОПРОС: А вот как вы узнали, что вам надо выходить?

ПЕСОЧНИКОВ: У нас была связь с т.Александровым, связь держал т. Радченко, он был матросом в порту.

ВОПРОС: А Носкова вы помните?

ПЕСОЧНИКОВ: Нет, не помню. Дюрягина не помню. Я помню Милеева, Скинтера; Скинтера я встречал в Киеве, а в Ленинграде я никого не встречал.

Там стоял миноносец «Капитан Юрасовский». Помню, на вахте стоял офицер, случайно он сошёл на другую сторону, мы выступили, судно, шедшее на помощь им, запоздало, и миноносец оказался в наших руках, мы его заняли.

ВОПРОС: А кто охранял флот?

АЛЕКСАНДРОВ: Там было национальное ополчение.

ПЕСОЧНИКОВ: Да, там было национальное ополчение и датчане, и организатором этого ополчения был Скрябин, купец, у нас на пароходе капитан его знал.

Он организовал национальное ополчение, хоть и с одним глазом, а старался стрелять в большевиков.

Все рабочие порта, все грузчики были на нашей стороне, все матросы, но была помеха – прапорщик Палатников, который командовал отрядом, тут была вызвана и милиция, отряд милиции, или учебная команда, не

помню хорошенько.

АЛЕКСАНДРОВ: Палатников был командиром национального ополчения, а Соколовский милиции, и учебной командой командовал гвардейский поручик.

ПЕСОЧНИКОВ: Я помню, что отряд вёл Палатников, он шёл охранять склад, у него отряд был организован, а, ведь, мы были только стадо, но мы начали хватать оружие, разбивать склад.

ВОПРОС: А кто был вашим организатором, кому вы подчинились?

ПЕСОЧНИКОВ: У нас был т. Александров, а накануне у нас был Ратченко, который дал нам указания, каждая группа лица его не знала, но у нас были нити, связи, всем были даны указания, что каждый должен был отправляться туда, куда его посылают, у нас было всё это разработано заранее, но конспиративно.

АЛЕКСАНДРОВ: У нас всё было конспиративно, в деле захвата склада сам Песочников был инициатором, он сказал нам, как надо действовать в определенные моменты, и мы подошли к складу.

ВОПРОС: А близко подошли?

ПЕСОЧНИКОВ: Близко. Нас было больше, но отряд, охранявший склад, был по сравнению с нами блестяще организованной силой. Склад находился около электростанции.

Когда прапорщик, командовавший отрядом, отвернулся и из каждого кармана вынул по браунингу, мы тут его и застрелили, вся его команда моментально рассыпалась и перешла к нам, а за минуту перед этим представляла для нас серьёзную угрозу. А вот пароход «Ломоносов» мы упустили.

АЛЕКСАНДРОВ: Ты хорошо знал про этот пароход, как он стоял на рейде, и что там было. Вспомни и расскажи.

ПЕСОЧНИКОВ: Это был крупный пароход Мурманского товарно-пассажирского пароходства¹, он стоял на рейде, он подошёл в этот день к пристани, и на него началось бегство белогвардейцев и их семей, и когда стало темно, он ушёл, на него бросились все семьи белогвардейского актива.

После того, как мы взяли власть, мы бросились освобождать политических заключённых.

Главным персонажем у нас был т. Александров, ему принадлежала главная роль.

И вот нам надо было в 2–3 дня организовать в Мурманске Советскую власть, мы организовали Ревком, исполком, словом все учреждения, которые должны были придать городу советский характер, и мы с этой задачей быстро справились.

У меня была забота – создать ЧК по борьбе с контрреволюцией, я вы-

¹ Товарищество Архангельско-Мурманского срочного пароходства. *Примеч. составителя.*

брал туда себя, было сделано на квартире у Александрова собрание на 3–4 день после совершения переворота, собрались люди, которые играли решающую роль в последние дни переворота, и мы организовали в Мурманске правительство.

Я был комиссаром ЧК, Неупокоев организовал первый Мурманский стрелковый батальон, мы по всему краю дали директиву, что у нас теперь Советская власть, есть все комиссариаты, словом всё, что было у Советской власти со всеми её оттенками, у нас даже чуть ли не были организованы субботники, когда к нам пришла 6-я часть Красной Армии, потом уже к нам пришёл броневик,¹ пришёл Антонов.

Мы через три недели организовались уже, как следует, и у нас все комиссариаты стали функционировать.

АЛЕКСАНДРОВ: А вот, какие сведения у тебя были в отношении населения, ты расскажи. Как оно относилось к Советской власти?

ПЕСОЧНИКОВ: Я сразу ставил все вопросы, спать там не приходилось, я начал подбирать людей, я, помню, взял к себе Попова, из политзаключенных, был там Скиндер, и много других, но я уже их позабыл, и мы начали бороться с врагами Советской власти. На Скиндера я полагался более, чем на кого либо, он был предан делу Советской власти, мы начали с ним работу, и все лица, которые представляли какую-нибудь угрозу для Советской власти были в 3 дня нами убраны, мы издали постановление быть как можно бдительнее, и вот к нам приходили матросы, приходили рабочие, указывали на тех или иных лиц, говорили всё, что замечали, и тут же мы принимали соответствующие срочные меры, убирали этих лиц, и жизнь в Мурманске приняла полностью советский характер.

Тов. Александров давал всему тон, многие из нас ещё не были опытными, и тов. Александров нам указывал, я ещё помню, что на собрании в театре кто-то сказал, что т. Александров является душой мурманской революции.

АЛЕКСАНДРОВ: А вот как население реагировало на революцию, приходилось ли его ломать, переваривать в советском котле, как оно было нами организовано?

ПЕСОЧНИКОВ: По-моему, обывателей там было мало, население действовало с нами.

Вот я расскажу, как я возил патроны на острова, чтоб можно было действовать против белых. Я уже был один, Ратченко уехал, Скиндер уехал, и я остался один.

Взял я ботник у одного частного рыболова и повез в Печенгу патроны, ботник поднимал 30 тонн, на нём было два паруса двухмачтовых, это была обыкновенная стандартная судовая единица, и вот на этом боте я и отправился в море, вышел из Кольского залива, погода нам благоприятствовала.

¹ Не броневик, а бронепоезд. *Примеч. составителя.*

Гов. Александров в это время вёл переговоры с Норвегией, чтобы все пароходы, которые закупило наше правительство, были отправлены в Мурманск.

Мне надо было к речке Печенге, вдали виднелся монастырь, а я не знаю, кто там - наши или белые, мы пошли утром с отливом и к вечеру были уже там, от Кеми¹ это 150 километров, но ветер был для нас хорошо и попутен.

Я послал красноармейца в разведку, я остался один, на судне был только его хозяин, человек, настроенный не в нашу пользу.

ВОПРОС: А судно у него было отобрано?

ПЕСОЧНИКОВ: Пока нет, ему было приказано везти, и он повёз. У меня в каждом кармане было по браунингу, я приготовился к нападению, в случае, думаю, его убью, а дорогу я сам знаю, и вот, когда красноармеец ушёл в Печенгу, мы с ним остались одни, он на одном конце, а я на другом, потом я увидел, что идут уже красноармейцы, значит, белые были отсюда прогнаны. А у меня было такое положение, что, если мне эта поездка удастся, то я должен был поехать в Норвегию, в Вардё. Красноармейцы подошли, мы патроны выгрузили и отправились обратно.

Мне надо было отправить письма в Финмаркен, и я отправился туда, побывал в редакции, отдал письма, и у нас там шли переговоры относительно покупки угля, чтоб уголь был в Мурманске, чтоб иметь хоть раз в неделю ходить в Печенгу. И вот в редакции я встретил Вомпе, Быстрова.

Быстров был представителем от водников, а Вомпе был железнодорожным рабочим, это была делегация Шляпникова по линии профсоюза, они ехали на интернациональный съезд, который был в Норвегии.

Мы обрадовались этой встрече, они везли оттуда груз, 15 мест, ящиков, на них был литер Ленина и 3-го Коминтерна.

Они сказали, что везли груз хорошо, а вот не знают, как их пропустит Вардё.

АЛЕКСАНДРОВ: А кого вы там встретили?

ПЕСОЧНИКОВ: Там был Томсон, я его смутно помню, пожалуй, если встречу, то и не узнаю.

ВОПРОС: А что он там делал?

ПЕСОЧНИКОВ: Он был работником Коминтерна, а что он делал, я не знаю.

ВОПРОС: А почему вы знали этого Томсена?

ПЕСОЧНИКОВ: Да у меня к нему было письмо.

АЛЕКСАНДРОВ: От кого?

ПЕСОЧНИКОВ: От Мурманского Совета.

Вот я и занялся этими ящиками, думаю, как же их перевезти. Тут мне и пригодилось пограничная служба.

¹ Очевидно, имеется в виду Кола. Примеч. составителя.

Совершенно случайно, отправляясь в Норвегию, я взял с собой несколько досок, чёрт знает, что может случиться в дороге. Я смотрю, один молодой таможенный чиновник смотрит и смотрит на эти доски, у них досок нет, я ему их подарил, и заговорил, что, мол, нельзя ли мне погрузить вот эти ящики, он с улыбкой посмотрел на красный флаг, и я понял, что он на нашей стороне, он мне дал квитанцию, сказал, что [надо] нанять лодочников и тихонько погрузить, там был такой порядок, что на таможне давали документы на перевозку, а там дно прозрачное, бросьте банку на дно, и её будет видно, я посмотрел на дно - никаких банок не видно, а у нас их и не было, пришёл полицейский караул, они посмотрели на нашу бумажку, ничего не сказали, и я ящики погрузил и прелюбопытно привез их в Мурманск, а потом отправил в Москву.

Когда пришёл в Мурманск, пришёл ботник с углем и пароход «Митрофаней».

Потом приехали из Вардё и Вомпе, и Быстров. Я их потом встретил в Москве.

Потом к нам приехала Трофейная комиссия, потом ЧК железнодорожная, потом особый отдел, был особый отдел 6-й Красной Армии, ещё здесь был. т. Кабанов, потом он был переведён в заву Административного отдела.

Вот здесь-то мы и собрали трофеи с белогвардейских пароходов «Седов» и «Сибиряков», когда уехал Миллер. Там стояла яхта «Ярославна», «Минин», «Седов» и «Сибиряков». «Минин» отправился брать яхту, а у них угля не было, когда мы взяли власть, то «Минин» бросил яхту, и они начали спасаться сами, они хотели уйти, а угля у них не было, и вот Миллер издал приказ – никаких чемоданов с собой не брать, а елико возможно, всюду грузить уголь, морем надо было идти далеко.

Белогвардейцы побросали свои чемоданы, мы это имущество взяли, я в то время забрал много золота, золота и других вещей, золото было бытовое, и сдал всё это в кладовую, мы составили акт, тут было несколько воров, бельё, всевозможные вещи, всё это было мной сдано в ЧК.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На этом мы сегодня кончим.

Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев: Сб. воспоминаний и документов. -- Мурманск, 2006. С.284-289.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В чем состоят особенности фиксации устной истории в стенограмме?
2. Сравните содержание вышеприведенных текстов (№ 42-45) с тем описанием хода восстания, которое представлено в монографии А.А. Киселева и Ю.Н. Климова «Мурман в дни революции и Гражданской войны»

(глава XI «Завершение гражданской войны на севере РСФСР. Восстановление Советской власти на Мурмане»).

3. Определите, в какой степени устные воспоминания участников восстания согласуются друг с другом?
4. Реконструируйте подготовку и ход вооруженного восстания 21 февраля 1920 г. в Мурманске, пользуясь устными воспоминаниями участников.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Источники

- Гражданская война** на Мурмане глазами участников и очевидцев: Сб. воспоминаний и документов. – Мурманск, 2006 (приложения).
- Криничная Н.А.** Предания Русского Севера. – СПб., 1991.
- Максимов С.В.** Избранные произведения. – М., 1987. Т.1: Год на Севере.
- Немирович-Данченко В.И.** Сведения о народной поэзии лопарей // Известия Русского географического общества. 1875. Т. 11. Вып. 1.
- Орешета М.Г.** Порт-Владимир, мы верим в твоё возрождение! – Мурманск, 2009.
- Островский Д.Н.** Лопари и их предания // Известия Русского географического общества. 1889. Т.25. Вып.4.
- Саамские сказки** / Сост. Е.Я. Пация. – Мурманск, 1980.
- Сказки Терского берега Белого моря** / Изд. подгот. Д.М. Балашов. – Л., 1970.
- Спецпереселенцы** в Хибинах. Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний). – Апатиты, 1997.
- Степаненко А.** Расстрелянная семья (исторические очерки о кольских саамах). – Мурманск, 2002.
- Терский берег Беломорья:** терчане о прошлом и настоящем своих селений / Сост. М.Г. Орешета. – Мурманск, 2010.
- Хенриксен Х.** Мурманские конвои: Военная драма в Арктике и её участники / Пер. с норв. – Мурманск-Архангельск, 2008.
- Чарнолуцкий В.В.** В краю летучего камня: Записки этнографа. – М., 1972.
- Щеколдин К.** Лопарские сказки, легенды и сказания // Живая русская старина. 1890. Вып.1-2.

II. Литература

а) методология и методика устной истории

- Хрестоматия** по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. — СПб., 2003.
- Томпсон П.** Голос прошлого: Устная история / Пер. с англ. – М., 2003.
- Щеглова Т.К.** Устная история: Учебное пособие. – Барнаул, 2011.

Федоров П.В. Историческое интервью: Практикум по устной истории. – Мурманск, 2012.

Лейбова Е.К., Хлытина О. М. Методика организации работы с устными историческими источниками в старших классах // Преподавание истории в школе. 2008. № 5.

б) исследования по устной истории

Змеева О.В. «Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты, 2011.

Разумова И.А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. Социально-антропологические очерки. – СПб, 2009.

Разумова И.А. Рецепция региональной истории в рассказах горожан Кольского Севера // III Ушаковские чтения: Сборник научных статей. – Мурманск, 2006. С.5-11.

Разумова И.А., Сулейманова О.А. Культурная память семьи как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века. – Апатиты, 2007. С.69-79.

Устная история в Карелии: сборник научных статей и источников / Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Петрозаводский гос. ун-т; [сост.: И. Р. Такала и др.]. – Петрозаводск, 2006 – 2007. Вып. 1 – 2.

Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. – Барнаул, 2008.

в) документальные исследования и материалы по истории Кольского Севера

Киселев А.А., Климов Ю.Н. Мурман в дни революции и Гражданской войны. – Мурманск, 1977.

Киселев А.А., Шевченко А.В. Мурманская область: география и история освоения. – Мурманск, 1996.

Кузьмин Г.Г., Разин Е.Ф. Кандалакша. – Мурманск, 1968.

Минкин А.А. Топонимы Мурманска. – Мурманск, 1976.

Разин Е.Ф. Кандалакша. – Мурманск, 1991.

Случевский К. По Северу России. – СПб., 1886. Т. II.

Ушаков И.Ф. Кольская земля: Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. – Мурманск, 1972.

Ушаков И.Ф. Кольская старина. – Мурманск, 1986.

Ушаков И.Ф. Кольский острог. – Мурманск, 1960.

Ушаков И.Ф., Дашинский С.Н. Кола. – Мурманск, 1983.

Хрестоматия по истории Кольского Севера / Сост. И.Ф. Ушаков. - Мурманск, 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Раздел 1. УСТНАЯ ИСТОРИЯ И ФОЛЬКЛОР: ПРЕДАНИЯ О КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ.....	5
1. Предания об основании поселений.....	6
№ 1. Предание об основании Колы, рассказанное жителем Колы Г.Р. Миккуевым (запись А.П. Попова).....	6
№ 2. Предание об основании Кандалакши (запись А.А. Минкина).....	6
2. Предания о борьбе с разбойниками и врагами.....	7
№ 3. Предание об Анике (публикация В.П. Верещагина).....	7
№ 4. Предание об Анике (публикация С.В. Максимова).....	9
№ 5. Предание об Анике, рассказанное жительницей Териберки Карельской (запись Р. Липец).....	10
№ 6. Предание о великане, рассказанное жительницей дер. Нижняя Зимняя Золотица Приморского района Архангельской области М.С. Крюковой (запись Р. Липец).....	11
№ 7. Предание о нападении шведов на саамский погост (запись В.К. Алымова).....	11
№ 8. Предание о нападении шведов на Печенгский монастырь, рассказанное жителем дер. Колежма Беломорского района Карельской АССР Ф.А. Егоровым (запись Н. Криничной, В. Пулькина).....	12
№ 9. Предание о нападении шведов на Печенгский монастырь, рассказанное жительницей дер. Нижняя Зимняя Золотица Приморского района Архангельской обл. М.С. Крюковой (запись Р. Липец).....	13
№ 10. Предание о нападении шведов на Печенгский монастырь, рассказанное жителем Колы Г.Р. Миккуевым (запись А.П. Попова).....	13
№ 11. Предание о нападении шведов на Ковду (публикация А. Михайлова).....	14
№ 12. Предание о нападении шведов на Ковду (публикация К. Случевского).....	14
№ 13. Предание о нападении шведов на Кандалакшу, рассказанное в Кандалакше (публикация В.И. Немировича-Данченко).....	14
№ 14. Предание о нападении англичан на Кандалакшу, рассказанное в Кандалакше (запись Н. Колпаковой).....	15
№ 15. Предание о нападении англичан на Кандалакшу, рассказанное жительницей Кандалакши М.А. Кяльминой (запись Н. Колпаковой).....	16
№ 16. Предание о нападении англичан на Колу в 1809 году, рассказанное жителем Колы Харчевым (запись А.П. Попова).....	17
№ 17. Предание о нападении англичан на поморские селения и Соловецкий монастырь, рассказанное жительницей с. Кузомень Е.И. Сидоровой (запись Д.М. Балашова).....	18
№ 18. Предание о нападении англичан на поморские селения, рассказанное жительницей с. Кузомень Н.С. Богдановой (запись Н. Колпаковой).....	19
№ 19. Предание о нападении англичан на Иокангу, рассказанное жителем Иокангского зимнего погоста М.И. Титова (публикация В.В. Чарнолуцкого).....	19

3. Предания о промысле.....	22
№ 20. Предание о «хозяине» становища, рассказанное П. Малыгиным в Архангельске (запись Р. Липец).....	22
№ 21. Предание о «хозяине» становища, рассказанное жителем дер. Нижняя Зимняя Золотица Приморского района Архангельской обл. Ф.Н. Шibaевым (запись Р. Липец).....	23
4. Предания о постройках и сооружениях.....	23
№ 22. Предание о строителе Кольского собора (публикация С.В. Максимова).....	24
№ 23. Предание о покровном кресте и старинной часовне в Коле, рассказанное жителем Колы Ф. Суловым (запись А.П. Попова).....	25
№ 24. Предание о подземных ходах в Коле, рассказанное жительницей Колы О.В. Обнорской (запись Е.Р. Михайловой).....	26
Раздел 2. ИСТОРИЯ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА XIX-XX ВЕКОВ	
В РАССКАЗАХ ОЧЕВИДЦЕВ.....	27
1. Английское нападение на Мурман 1854-1855 гг.....	28
№ 25. История о нападении англичан в море, рассказанная жителем Колы Харчевым со слов очевидцев события (запись А.П. Попова).....	28
№ 26. История о нападении англичан на Колу в 1854 году, рассказанная жителем Колы Иевлевым со слов очевидцев события (запись А.П. Попова).....	29
2. Природные явления.....	30
№ 27. Из рассказа-воспоминания жителя Колы Иевлева о землетрясении в Коле (запись А.П. Попова).....	30
№ 28. Из рассказа-воспоминания жителя Колы М. Аболяева о наводнении в Коле в последней четверти XIX века (автор записи неизвестен).....	31
№ 29. Из рассказа-воспоминания жителя Колы П. Иевлева о наводнении в Коле в 1917 году (автор записи неизвестен).....	31
№ 30. Из рассказа-воспоминания жителя Колы В.С. Лопинцева о старом русле реки Колы (запись П.В. Федорова).....	31
3. Традиции, быт и повседневная жизнь местного населения.....	32
№ 31. Из рассказа-воспоминания жителя Колы Ф. Сулова о кольской торговле в XIX – начале XX века (запись А.П. Попова).....	32
№ 32. Из рассказа-воспоминания жителя Колы Иевлева о ведении местной летописи священником А. Поповым в последней четверти XIX века (запись А.П. Попова).....	33
№ 33. Из рассказа-воспоминания кольской семьи Иевлевых о посещении Колы великим князем Владимиром (запись А.П. Попова).....	33
№ 34. Из рассказа-воспоминания жителя Колы В.С. Лопинцева о традициях гостеприимства колян в 1930-50-е гг. (запись П.В. Федорова).....	34
№ 35. Из рассказа-воспоминания жителя Колы А.С. Сверлова о музыкальных традициях в Коле в 1930-50-е гг. (запись А.А. Малашенкова).....	34

№ 36. Из рассказа-воспоминания Ф.П. Чапоровой о жизни в селе Большая Западная Лица в 1930-е гг. (запись, литературная обработка и публикация А. Степаненко).....	34
№ 37. Из рассказа-воспоминания жительницы Колы О.В. Обнорской о закрытии властями Благовещенской церкви в Коле в начале 1960-х гг. (запись Е.Р. Михайловой).....	39
4. Ссылка и трудовая миграция на Кольский Север.....	40
№ 38. Из рассказа-воспоминания жительницы Колы А. Базарной о кольском ссылном Л.И. Саноцком (запись А.П. Попова).....	40
№ 39. Из рассказа-воспоминания жителя Колы Г.Р. Миккуева о пребывании ссылных в Коле в царское время (запись А.П. Попова).....	41
№ 40. Из рассказа-воспоминания жителя Колы В.С. Лопинцева о переселении в Колу «раскулаченных» крестьян в 1930-е гг. (запись П.В. Федорова).....	41
№ 41. Из рассказа-воспоминания бывшего ссылного А.И. Иванова о ссылке на Кольский Север в 1930-е гг. (запись И.Я. Хищенко).....	42
№ 42. Из рассказа-воспоминания бывшего заключенного Е.В. Новосельцева о пребывании в Туломском лагере заключенных в 1930-е гг. (запись А. Матвеева).....	43
5. Мурманский переворот 21 февраля 1920 года.....	45
№ 43. Стенограмма беседы представителя Истпарткомиссии Е.А. Двинина с участниками переворота И.И. Афанасьевым, И.С. Лыковым и В.Г. Ольштинским.....	45
№ 44. Стенограмма беседы представителей Истпарткомиссии Е.А. Двинина и А.М. Зепалова с участниками переворота Н.Г. Носковым, В.К. Раффельдом и А.А. Деевым.....	57
№ 45. Стенограмма беседы представителя Истпарткомиссии Е.А. Двинина с участником переворота В.Г. Ольштинским.....	69
№ 46. Стенограмма беседы представителя Истпарткомиссии с участниками переворота К.Я. Песочниковым и И.И. Александровым.....	71
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	78

Учебное издание

**ХРЕСТОМАТИЯ ПО УСТНОЙ ИСТОРИИ
КОЛЬСКОГО СЕВЕРА**

Автор-составитель:
Федоров Павел Викторович

Подписано в печать 20.06.2012 г. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 5,1. Тираж 100 экз.
Отпечатано в редакционно-издательском отделе (РИО) МГГУ
с готового оригинал-макета.

Мурманский государственный гуманитарный университет.
183720, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15.

ДИЗАЙН: «ДРУГИЕ ПРАВИЛА» СЕРГЕЙ БУРЦЕВ